

ЛЮБОВЬ ЧЕРНИКОВА

16+

ПРИЗЫВ - ДЕЛО
СЕРЬЕЗНОЕ

Огонь моих крыльев

Академия Шан-Дарах

Любовь Черникова

**Призыв – дело серьезное.
Огонь моих крыльев**

«Автор»

2021

Черникова Л.

Призыв – дело серьезное. Огонь моих крыльев / Л. Черникова —
«Автор», 2021 — (Академия Шан-Дарах)

Желая победить в дуэли, я призвала в наш мир того, кому запрещено здесь появляться, и умудрилась связать наши судьбы. Но Аресу и этого показалось мало, раз он сделал мне предложение руки и сердца. О, Вездесущий! Я таю! Не представляла как-то себя в роли счастливой невесты... Стоп! Лучше бы на время выбросить из головы все чувства и подумать об испытании во дворце, последствия которого круто изменят всю мою жизнь.

© Черникова Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Ночь, наполненная неожиданностями	5
Глава 2. Невозможное возможно	13
Глава 3. В единстве – сила	20
Глава 4. Испытание для каждого	30
Глава 5. Опасная безопасность	37
Глава 6. Во власти иллюзий	47
Глава 7. Победу нужно ковать вместе	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Любовь Черникова

Призыв – дело серьезное.

Огонь моих крыльев

Глава 1. Ночь, наполненная неожиданностями

Раадрим. Столичные улочки. Раннее утро

Ирис Кроу, адептка

– Представь, что никакого ритуала не было, Ирис, а мы – просто адепты. Представила? – ладони Ареса Дарро сильнее стискивают мою талию, а голос отдается где-то внутри приятной вибрацией.

Нет, это точно какая-то магия! Ведь не может быть, чтобы обычные слова оказывали столь поразительный эффект?

Замираю, наслаждаясь расходящейся по телу истомой. Кажется, я готова слушать светлого вечно, но по закону подлости он замолкает в ожидании ответа.

Лааадно. Представить, что мы просто адепты? Да запросто! Я сейчас на все что угодно соглашусь. Даже надеть при всем честном народе мусорную корзину на голову ректорше, только не останавливайся, пожалуйста. Продолжай говорить со мной вот так, продолжай творить эту, без сомнений, запретную магию. Мне безумно нравится рассматривать твои губы в такой опасной близости от моих...

Киваю, не вникая особенно в суть просьбы светлого, лишь желая, чтобы его губы снова пришли в движение, а голос породил эту приятную вибрацию в моей груди...

– Ирис Кроу, ты станешь моей женой? – глядя мне прямо в глаза, Арес Дарро задает знаковый для каждой девушки вопрос.

Несколько долгих мгновений рассматриваю его мужественный подбородок, длинные пушистые ресницы. Отмечаю легкую настороженность, промелькнувшую в потемневших зрачках и... Прячась за ресницами от реальности, сама тянусь за поцелуем.

На несколько долгих мгновений я теряю связь с реальностью. Растворяюсь в ощущениях, что дарят уверенные мужские губы. Мягкие, теплые, в меру настойчивые и властные. Сейчас только они решают – жить мне или истаять эфемерным облачком, растворившись в неге.

– Это значит да? – уточняет Арес чуть севшим голосом.

Ох... Насколько же проще целоваться, не принимая судьбоносных решений. Я полагала, что время для них придет нескоро – где-то между вторым повышением в должности и пирушкой среди коллег, а на деле вон как все обернулось.

Меня вдруг захлестывает паника. Словно обездвиженная заклятием, молча пялюсь на грудь светлого – туда, где сияет крылатое солнце.

Это же наше первое свидание! Не могу сказать ему «нет», но и «да» не могу сказать. Не сейчас. Я... Я просто еще не готова!

– Ирис? – не дает времени на раздумья светлый.

Зачем он такое спрашивает сейчас, когда я едва-едва расслабилась, позабыв о проблемах? Нечестно!

– Возможно... – выдыхаю, не глядя на Ареса.

– Возможно? Не слишком-то подходящий ответ. Он ничего не проясняет, не находишь? – усмехается Арес.

Его пальцы на моей талии на миг сжимаются еще крепче, заставив судорожно вдохнуть. Словно опомнившись, светлый ослабляет хватку, но меня не выпускает.

Вот! Вот что мне мешает нормально думать!

Пока мы так близко, я попросту не смогу принять верное решение. Осторожно выворачиваюсь и отступаю на шаг.

– А... а можно мне подумать? – сразу нахожу простейший выход из сложившейся ситуации.

– Конечно. Прости, что давлю, – Арес виновато улыбается и ерошит свои волосы.

Отчего-то мне неловко за столь невнятный ответ, и я ощущаю потребность объясниться:

– Арес, ты мне очень нравишься, но мы почти не знаем друг друга. Я... Я и не задумывалась всерьез о замужестве до сих пор. И уж точно не ждала предложения от тебя... Да и не за кого мне выходить было. То есть... То есть, мне никто и не предлагал, ты первый... – объяснение получается кошмарным, но я с упорством мазохиста продолжаю: – Я много училась, а кому нравятся заучки? – нервно смеюсь. – И прическа у меня странная, а тетя Марджери всегда повторяет, что из двух вариантов: замужество или карьера, первый – точно не мое, – снова хихикаю, особенно остро ощущая излишек хмеля в организме.

Мысли словно увязли в густом розовом сиропе внезапной влюбленности, изо рта вылетают несуразные глупости, а руки дрожат от волнения. Когда от переизбытка чувств начинает кружиться голова, наконец замолкаю, чтобы не позориться еще сильнее.

– Ирис, ты самая прекрасная заучка из всех, что мне когда-либо встречались... – он притягивает руку и касается моей щеки.

– Остановись! – мотаю головой, не желая, чтобы он продолжал смущать меня еще больше.

Вдруг дома на ночной улице затевают хоровод, в центре которого оказываюсь я.

– Какое коварное вино нам попало!

– Только не вздумай магичить в таком состоянии, – понимающе улыбается светлый.

– Да, п-пожалуй, мне сейчас не стоит читать заклинания, а то такоооо призову. Ик! Ой...

От внезапной икоты меня разбирает безудержный смех. Но на самом деле вино здесь ни при чем, сказывается напряжение последних дней. Пакет, который я все это время держу, выскальзывает из ослабших вдруг рук, глухо разбивается о тротуар спрятанная в нем бутылка. Прекратив смеяться, я ошеломленно наблюдаю, как вокруг растекается темная лужица, похожая на кровь...

Светлый вдруг притягивает меня к себе. Наплевав на все, прижимаюсь щекой к его груди и обнимаю за талию. Шепчу едва слышно, точно молитву Вездесущему, то ли жалуясь, то ли уговаривая:

– Арес, мне ведь учиться надо. На первом месте карьера, после – любовь и все прочее. Иначе никакой карьеры у меня уже не получится...

Чуть отстранившись, поднимаю руку и касаюсь скулы Ареса. Глажу его по щеке, пробегаю пальцами по шее вниз к груди – туда, где мягко сияет золотом крылатое солнце. Стоит коснуться рейдла, как мою кожу снова омывает золотым светом. Довольно улыбаясь, накрываю символ ладонью и чувствую, как мышцы светлого разом каменеют, а в живот мне упирается что-то подозрительно твердое...

– Эй! Ты что это задумал?!

И тут я осознаю, что это... Доказательство моей неотразимости, вот что это такое, если в общих чертах!

Краска моментально бросается в лицо.

– Но-но! – отстраняюсь и машу перед его носом указательным пальцем. – Никаких по-попс... по-плюз... по-полз-но-вений до свадьбы! – завершаю эту малосвязную тираду воистину эпическим: – Ик!

– Похоже, на сегодня и правда перебор с вином и эмоциями, – констатирует Арес, со вздохом снова притягивая меня к себе.

Но на этот раз в меня больше не тык... не упир... Мне ничем больше не угрожают, так что не спешу отстраняться. А светлый ласково гладит по голове, и мне хорошо-хорошо...

– Спать хочется, – подавив зевок, прижимаюсь щекой к теплому и неожиданно родному человеку, устраиваясь поудобнее.

Глаза тут же начинают слипаться.

– Колыбельную спеть?

Арес подхватывает меня на руки. На грани яви чувствую, как мы куда-то двигаемся, а потом сон окончательно затягивает в свои сладкие объятия, и в следующий раз я открываю глаза уже у себя в комнате. Лежу на кровати, а Арес Дарро сидит на противоположном ее конце и, положив мою ногу себе на колено, осторожно расшнуровывает высокий ботинок.

Некоторое время наблюдаю за ним из-под полуприкрытых ресниц, едва сдерживая довольную улыбку.

Закончив меня разувать, светлый подбирается ближе, и его пальцы касаются шнуровки корсажа на платье, ослабляя ее. Не успеваю возмутиться, как Арес накрывает меня одеялом. От подобной заботы и такта, на душе становится необычайно спокойно и тепло.

Похоже, я, и правда, могу ему доверять. Мне хорошо, когда он рядом, а значит...

– Подай мне ночнушку, пожалуйста, – прошу хриплым спросонья голосом. – Там в шкафу.

Арес не удивляется. Похоже, давно заметил, что я уже проснулась. Он подходит к шкафу, распахивает створки, и из его груди вырывается невнятный звук.

Ах, ну да! Там же моя коллекция белья. Кажется, и мне удалось смутить светлого», – глупо хихикаю, чувствуя себя хулиганкой.

Спать в неудобном платье, я не намерена, а подняться просто не смогу, так что...

Светлый справляется с заданием и сует мне в руки что-то эфемерное, явно не из повседневного гардероба. В полумраке плохо видно, что именно, но определенно ночная сорочка. Наверное, я купила ее в честь очередной отличной отметки, но, как водится, так ни разу и не надевала.

Так почему бы и не сейчас?

Начинаю стягивать платье, и Арес тактично отворачивается и даже отходит к окну. Стоит, старательно делая вид, что крайне заинтересован происходящим снаружи. Рассматриваю то, что он мне принес. Так и есть. Эта ночная сорочка явно не располагает к спокойному сну.

Коварно улыбаясь, переодеваюсь, но тут же, застеснявшись, натягиваю одеяло до подбородка. Мне неловко, но и не хочется, чтобы светлый уходил.

– Арес? – зову сквозь дрему, стремительно уносящую меня в свои сладкие объятия. – Арес я... – пытаюсь продолжить, когда он снова подходит.

– Тшшш! – светлый на миг прикладывает палец к моим губам.

– Но я... Я так тебе и не ответила.

– Ответишь после испытания, Ирис. Не думай пока ни о чем больше. Приятных снов, моя дайри, – шепчет Арес, склонившись над моим лицом.

Обнимаю подушку и, не открывая глаз, тяну губы трубочкой. И тут же получаю целомудренный и одновременно волнуящий поцелуй, после чего со счастливой улыбкой проваливаюсь в сон.

Пробуждение выходит не из приятных, мне приснился кошмар. Какая-то дрянь... Вроде бы меня пытали в подвале, выжигая каленым железом клеймо на руке...

Отголоски сна стремительно расползаются, теряя очертания, как пятно черного горючего масла на воде. По ощущениям я проспала не больше двух часов, и под черепной коробкой словно поселился маленький зловредный пикси с заостренными молотками, которыми он, не переставая, колотит, колотит, колотит в левый висок! Во рту такая пакость, словно Гейл

наложила проклятье полного иссушения, да в придачу йархи сверху нагадили. И губы... Губы опухли и едва шевелятся.

Запястье все еще дергает. Боль реальна! Она никуда не исчезла с пробуждением, а, напротив, становится сильней!

– Йархи! – хнычу, едва ворочая пересохшим языком.

Не зажигая свет, шарю ладонью по тумбочке. Хорошо помню, что бутылек с зельем, которое нам раздал Жак Даманн, где-то здесь. Отличная вещь! Я не пробовала, но остальные утверждают, что помогает прийти в себя после вечеринки любой степени тяжести. Устраняет похмелье, головную боль, синяки и ссадины, а также останавливает диарею, почесуху и простуду на начальных стадиях. Тонизирует, расслабляет, улучшает аппетит и сон...

Полезные свойства чудодейственного снадобья звучат в моей голове так отчетливо, словно бы сам Рыжий стоит рядом и перечисляет. То, что нужно, в общем!

Боль накатывает заново. Прекратив судорожные поиски, сворачиваюсь клубочком и подтягиваю колени к подбородку. Прижимаюсь губами к запястью. Дую на него, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Ощущения такие, словно к руке привязали негашеную известь и окунули в воду. Метка горит и пульсирует. Мне нужно что-нибудь, чтобы не было так больно... Что-нибудь холодное... Кусочек льда?

Пережив очередную волну боли, снова пытаюсь нашарить зелье.

– Вездесущий, да что же это такое?!

Задеваю что-то небольшое, но увесистое. И стеклянное, судя по звону, с которым оно разбивается, упав на пол. Пахнет влагой и чем-то сладко-свежим. Такой знакомый до боли запах...

Речной берег, серебриющиеся в лунном свете цветы... Аминии! И Арес – уже здесь в комнате с забытым мной у реки букетом в руках. Смотрит на меня и улыбается, ставя их в вазу. Улыбаюсь ему в ответ...

Так это был не сон! Он приходил ко мне снова? Как романтично!

– А-а-а! – Песочные часы на моей коже красиво мерцают золотом, а жгут пламенем хаоса! Вытирая, брызнувшие из глаз слезы, хриплю надсаженным горлом: – Ну, ваше императорское... Ну удружил, Ридрих Ронн! Останешься ты вовсе без новых Лучей с таким подходом!

Неужели и остальным пришлось вчера не легче?

Получив небольшую передышку, возобновляю поиски.

Да где же это зелье против-то, против-се, против-всешнее? Если хоть от части страданий меня избавит, я кого-нибудь расцелую... Расцелую... Стоп!

Проигнорировав три первых щелчка пальцами, по четвертому у потолка наконец вспыхивают магические огоньки. На мгновение забыв о боли, с удивлением таращусь на разбросанные по полу осколки сине-зеленого стекла и цветы.

Ваза... Букет... Арес берет с тумбочки бутылек, нюхает и морщится. Бормочет, глядя в мою сторону: «Не вздумай принять эту гадость!»

Зелье Жака исчезает в кармане его штанов, а на тумбочку опускается... Колба с букетом!

Это вовсе не ваза, которой у меня попросту никогда не было, а самая большая колба из лабораторного набора. Кажется, я видела такую в гостиной у Гаса?

Дрожащими пальцами касаюсь губ, припухших и слегка растрескавшихся от жажды. Я уже дошла до такого состояния, что всерьез раздумываю, не попробовать ли лакать пролитую из колбы воду, если не доползу до графина в гостиной.

– Мамочки!

По моим щекам непрерывно струятся слезы. Голова кружится, и в глазах двоится. Все, что мне удастся, – это сползти с кровати на пол и сесть. Свет огоньков слепит даже через плотно

сомкнутые веки, и я жестом приказываю им притухнуть. Уже понятно, что до гостиной я не дойду.

– Йокко! Йокко? – зову водяницу.

Пусть она меня напоит и, вообще, обольет. Может, станет легче. Но фамильяр не появляется. Водный дух меня словно не слышит.

И как это понимать? Может, Арес усилил охрану моей комнаты и перестарался?

– Элла, Гелла? Птиц! – зову всех по очереди.

Бесполезно.

Когда боль в очередной раз отступает, пытаюсь нарисовать малый круг призыва, но он гаснет раньше, чем я успеваю его завершить. Потому что я... Я не чувствую магию! То, что я раньше принимала за жестокое похмелье, на деле – магическое истощение. Уж очень похожие симптомы, немудрено перепутать. А значит, самой мне не справиться, требуется посторонняя помощь.

– Арес! – сдаюсь и зову светлого, прижимая ладонь к брачной метке. – Арес, помоги мне! Пожалуйста!

В тот же миг прямо посреди моей спальни рождается звезда, заливая все настолько ярким светом, что не спасают ни плотно сомкнутые веки, ни ладони, которыми я прикрываю лицо.

Так вот как это выглядит со стороны!

Пытаюсь проморгаться, но ничего не вижу, кроме плавающих разноцветных пятен.

Ну вот, еще и ослепла, просто прекрасно!

Совсем скоро из сплошного плывущего перед глазами красного пятна постепенно проявляются контуры мужского силуэта, который быстро превращается в светлого. Пижамные штаны на веревочках и всклокоченные, чуть смятые набок, волосы говорят, что он тоже спал. Такой уютный и домашний, и я безумно рада его видеть. Он услышал меня и пришел, чтобы помочь. Я не одна!

– Ирис, что с тобой? – бросается ко мне светлый.

– Больно... Очень! – демонстрирую ему руку с пульсирующей на запястье императорской меткой, которая по-прежнему светится золотом, и по щекам снова катятся слезы.

Не проронив ни единого слова, Арес окидывает быстрым взглядом пространство, отчего-то хмурится и подхватывает меня на руки. Мы снова куда-то перемещаемся. В его спальню!

Светлый кладет меня на собственную кровать, отходит на мгновение только затем, чтобы налить в стакан воды. Возвращается, присаживаясь рядом, и помогает выпить, точно я больная или маленькая. Но я не противлюсь, жадно глотаю прохладную воду. Обливаюсь, но не обращаю на это внимания, пока не допиваю все до капли.

– Еще?

Мотаю головой и морщусь от очередного приступа боли в запястье, хотя сейчас она куда терпимее. А может, я уже просто привыкла?

– Что со мной?

– Сейчас выясним.

Длинные пальцы светлого осторожно смыкаются на моем запястье, так что императорская метка скрывается под его широкой ладонью, и мне уже не кажется, что мою руку пытается отжевать голодный зомби. Стон облегчения вырывается из груди, и я обессилено откидываюсь на подушки, даже не думая о двусмысленности ситуации. О том, что я в комнате один на один с мужчиной, лежу в его постели, в ночнушке, ткань которой хоть и не прозрачна, но откровенно прилегает к телу, повторяя его контуры.

Тем временем вторая ладонь Ареса, сухая и теплая, ложится мне на лоб, и все несущественные мысли выветриваются. Головная боль мгновенно проходит. Невероятное облегчение!

– Ты что, целитель? – спрашиваю, помаленьку приходя в себя.

– Нет, – смеется светлый. – Просто такова особенность моей магии.

– Одного не пойму, ты же светлый, как ты управляешься с ней здесь? Ведь наша магия – темная.

– Понимаешь, для меня почти нет разницы. Ваша магия, как бы это сказать? Легче усваивается, что ли? Она опьяняет и переполняет, стоит взять чуть больше, и в Раадриме я ощущаю себя всемогущим. Правда, и контролировать такую силу намного сложнее.

– Поэтому мы призвали Хрюстона во время дуэли? – догадываюсь я.

– Возможно, – Арес кивает и улыбается. – Я тогда еще не научился правильно дозировать энергию, и от волнения передал тебе слишком много.

Как ни странно, но то, что на зов откликнулся именно хранитель академии, помогло мне избежать подозрений.

– Оно и к лучшему. Все решили, что я вообще ни при чем, а Хрюстон сам вмешался и наказал нарушителя.

– Нет худа без добра, – смеется светлый и интересуется: – Ирис, а сейчас ты что-нибудь чувствуешь?

Взглядом он указывает на мою руку, которую по-прежнему держит в своей. Я прислушиваюсь к ощущениям в запястье.

– Больше не болит, вроде бы... Что это было, ты знаешь?

– Я слегка перестарался с защитой в твоей комнате, и теперь там намного больше светлой магии, чем где бы то ни было. Кто-то прямо сейчас тянет ее через твою метку, Ирис. Тебя сделали проводником.

– Что?! Постой... – отнимаю у Ареса руку, и ее тут же пронзает копьём боли. – Уй!

Невольно вспоминаются слова подруги: «Как будто руку варят в котле с кипящей смолой».

Я не спец в изощренных пытках, но если Гейл чувствовала днем то же самое, то это ее выдержке стоит завидовать, а вовсе не моей. И как только боевики еще и шутить при этом умудрялись? Вон Луардэ грозился расплакаться как девчонка, но так и не расплакался...

Светлый снова берет меня за запястье, и я вздыхаю от мгновенного облегчения.

– Так лучше?

– Намного, – выдыхаю, чувствуя, как расслабляются окаменевшие мышцы. – Арес, как думаешь, зачем императору понадобилось так нас мучить? И почему мне совсем не больно, пока ты касаешься метки? Как долго все это продлится?

– Сколько вопросов! Верю, что ты отличница, – улыбается Арес. – Эта метка работает как преобразователь. Вытягивает из окружающего пространства чистую светлую энергию, а если такой слишком мало, превращает в нее темную. Поэтому ты испытываешь боль. А теперь преобразователем работаю я, и могу лишь догадываться, зачем вашему императору понадобилась такая прорва светлой магии.

– Ой-ой... Что же нам делать?

Светлый долго всматривается мне в глаза, но только жмет плечами.

– Могу попробовать выяснить, что происходит, но ничего не обещаю. Я же не менталист, а боевой маг. Некоторые вещи мне попросту не по плечу.

Он закрывает глаза, отрешаясь от мира, и замирает на целую минуту. Я почти не дышу, опасаясь его потревожить. Ой, а что если что-то пойдет не так? Как вести себя с тем, чье сознание путешествует? Надавать по щекам или, напротив, ни в коем случае не трогать?

В который уже раз признаю правоту Гейл в том, что нас совершенно не обучают взаимодействовать. То ли дело светлый. Он совершенно не такой маг, как мы. Для него словно нет пределов и преград.

В нетерпеливом ожидании принимаюсь разглядывать замершего памятником самому себе Ареса. Надо сказать очень пикантный памятник получился. Обнаженный до пояса он сидит вполборота, продолжая сжимать мое запястье, из-за чего все выглядит хм... неодно-

значно. Теперь, когда появилось время подумать, я остро это осознаю. Взгляд сам по себе соскальзывает со спокойного лица мужчины ниже. Путешествует по широким плечам и мускулистым рукам, по груди...

На миг представляю, что держит он мое запястье совсем по иной причине, и вот-вот склонится для поцелуя...

Ох! Этот поцелуй получится куда более страстным, чем тот ночной. А судя по обстановке, одним им дело вряд ли обойдется... Жар приливает к щекам и низу живота. Отчетливее выделяется напряженная грудь под тонкой тканью ночной сорочки, и мне становится ужасно неловко за то, что так бесстыдно пялюсь на человека, который о том и не подозревает.

Что Арес подумает, увидев меня в таком состоянии? Вдруг решит, что я на что-то намекаю?

Принимаюсь разглядывать комнату, чтобы хоть как-то остыть. Темно-синие шторы слегка раздвинуты, и за окном уже светает.

Моему взору предстает аскетичная обстановка и легкое запустение спальни. Никаких учебников или письменных принадлежностей на столе, лишь сиротливый тетрадный лист на полке, да огрызок карандаша. Приоткрытая дверца платяного шкафа демонстрирует пустое нутро. Никаких цветов на подоконнике или других признаков уюта...

Оно и понятно, до Ареса здесь несколько лет никто и не жил толком. Гас Тамбертон-Экрю методично выживал всех соседей, предпочитая одиночество. Все же наш некромант слегка со странностями. Хотя у кого из темных их нет?

Наконец светлый открывает глаза.

– Ну? Ты что-нибудь выяснил? – едва не подпрыгиваю от нетерпения и любопытства.

– Можно и так сказать. Теперь я точно знаю, что все это скоро закончится. Давай-ка лучше поспим, как тебе такое? – Арес красноречиво прячет зевок в кулаке.

– Ты так спокойно говоришь об этом?

– Угу. Не бойся. Из меня всю энергию никто не вытянет. В Раадриме я имею бесконечный резерв.

– Ого! – таращусь на него в благоговейном ужасе. – Арес, ты это серьезно?! Но это же... Это же...

– Теперь понимаешь, почему таким как я, не стоит в Раадрим наведываться? – улыбка светлого на мгновение становится хищной.

– Да уж... Кому нужны гости, способные поработить хозяев по щелчку пальцев, – выдыхаю я страшную догадку, по-новому глядя на своего жениха, и меня жаром обдает.

Внезапно меня осеняет: а ведь его предложение – просто игра. Он дает мне иллюзию выбора, не более. На кой ему вообще сдался мой ответ, когда мы связаны древним ритуалом. Я его дайри, а он мой... господин? Что бы это ни значило. Но можем ли мы стать семьей? А в идеале – счастливой семьей. Сейчас он так нежен, и мне кажется, что это возможно, но...

По спине пробегает неприятный холодок.

– Ирис, ты только не переживай, – грустно улыбается светлый, словно прочитав мои мысли. – Тебе абсолютно ничего не угрожает с моей стороны. Клянусь. Господство над вашим миром мне не нужно, да и про баланс не забывай, отличница, – подмигивает он, нажимая пальцем на кончик моего носа.

– Баланс? Ну конечно! – облегченно выдыхаю. – Хранители мира не допустят ничего плохого, ведь так?

– Именно. Если я вдруг обнаглею и перейду все границы, меня отсюда просто вышвырнет.

– Вышвырнет?

– Да. Как хозяйка вышвыривает за порог нашкодившего котенка. А ты разве не знала? – Арес со смехом ложится и утягивает меня за собой. Обнимает.

– Эй! Ты чего?

– Расслабься, дайри. Завтра важный день, нужно выспаться. Ничего не бойся. Никаких «попс-по-полз-но-вений» до свадьбы, – дразнится он, щекоча носом мне шею.

И получает локтем в живот, но тут же скручивает и притягивает к себе еще ближе. Теперь мы напоминаем две вложенные друг в друга плоскости. Запечатлев щекотный поцелуй у меня на шее, светлый засыпает моментально, продолжая держать мое запястье. Некоторое время лежу, слушая ровное дыхание светлого, и мысленно возмущаюсь такому течению дел. Затем пытаюсь устроиться поудобнее и дико стесняюсь. Находиться в одной постели с полураздетым мужчиной ужасно неприлично, и я слегка отодвигаюсь, чтобы не касаться Ареса спиной и ягодицами.

Что бы сейчас сказала теть Марджери, увидь она нас? Прочитала бы мне самую длинную и нудную лекцию о нравственности, не иначе. Такую длинную, что я бы умерла от скуки и голода, пока бы ее до конца дослушала. Как по заказу в голове нудный тетушкин голос принимается бубнить: «Ненадолго же хватило твоего благочестия, Ирис. Не успела получить диплом, а уже покатила по наклонной? Вся пошла в мать! Ничего другого я от тебя не ждала. Дурные гены...»

И все в таком духе. Брр!

Ерзаю, стараясь избавиться от этого занудства хотя бы наедине с собой, и, словно назло тете, придвигаюсь к светлomu. Вжимаюсь в сильное мужское тело своим, так, чтобы чувствовать его всей доступной поверхностью.

Вот вам! Выкусите! Я уже взрослая, что хочу, то и делаю!

Исполнив этот скрытый от посторонних глаз и ужасно глупый акт детского протеста, засыпаю не менее безмятежно, чем Арес... а будит меня женский голос, кокетливо воркующий прямо за дверью.

Глава 2. Невозможное возможно

Лежу некоторое время, прислушиваясь к девичьему голосу за дверью. За окном уже светло. Похоже, позднее утро. Арес Дарро безмятежно спит рядом со мной, каким-то чудесным образом балансируя на краю неширокой казенной кровати. Он отдал мне почти все свободное пространство, и кажется, что ему неудобно, но довольная улыбка на губах светлого, говорит об обратном. Мою руку он больше не держит, но она совсем не болит.

Касаюсь внутренней стороны запястья пальцами. Глажу, ожидая обнаружить припухлость. Ночью руку словно йархи клыками драли, но там только чистая розовая кожа, украшенная золотистыми песочными часами, и я с облегчением выдыхаю. А что же остальные «счастливики», одаренные императорской меткой? Что, если и с ними ночью творилось такое же непотребство? Вряд ли для них в Раадриме нашлось по свободному светлomu, чтобы облегчить страдания.

Так. Хватит разлеживаться! Надо срочно проведать Гейл и Гаса, вдруг им нужна помощь?

За дверью снова раздается голос девушки, который меня разбудил. Ей отвечает Гас, вот только о чем они говорят, не разобрать. Интересно, и кто же удостоился чести оказаться у местной звезды в гостиной? Не припомню, чтобы раньше Тамбертон-Экрю приводил фанаток в святая святых. Некромант даже соседей всех выжил из любви к одиночеству.

Собираюсь выглянуть за дверь, но вовремя останавливаюсь. Я же не одета! Ночная рубашка – не тот наряд, в котором показываются на люди. Что же делать? Кошусь на спящего Ареса. Может, разбудить его и попросить принести мне одежду из моей комнаты? Нет. Пусть лучше перенесет туда меня. Не хочу, чтобы Гас застал нас здесь в подобном виде.

Тем временем снаружи разгорается спор. Голоса все громче, и отдельные фразы отчетливо слышны. Любопытство одолевает, и на цыпочках я делаю несколько шагов к двери. Та вдруг распахивается, и на пороге появляется Люсиль Берки. Блондинка Номер Один, хлопая длинными ресницами, изумленно таращится на меня.

– Кроу?! – удивленно выдыхает она, словно не доверяя увиденному.

Ее взгляд, неудержимый и резкий, точно бросок ядовитой змеи, перепрыгивает на постель, где вольготно раскинулся улыбчивый во сне Арес. Покрывало живописно сползло до бедер, открывая его обнаженный торс, с другого края торчит босая нога. В общем, видок тот еще. Уверять, что я только на минутку сюда забежала по делам, не имеет смысла. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит, об этом красноречиво говорит выражение лица Берки.

– Твою ж... – шиплю, подняв лицо к потолку.

Нет, ну как можно было так глупо попасться ей на глаза? Теперь вся академия будет трепать языками о нас с Аресом. Одна радость, что недолго. Ровно до выпускного, и то хлеб.

– Чистой Ауры, Ирис! – позади Люсиль возникает некромант собственной персоной, и я особенно остро осознаю, что именно на мне надето. – Ну что? Удовлетворила любопытство? – раздраженно интересуется он у Люсиль.

– Угу, – кивает Берки и скромно отворачивается.

Можно подумать, ей и правда неловко!

Присматриваюсь к Люсиль, отмечая, что выглядит она слегка растрепано и помято. Идеальные кудряшки сейчас не столь уж идеальны. И, о Вездесущий! На ней все то же платье, что было вчера! Такая девушка, как Люсиль Берки, после бурной вечеринки ни за что не согласится влезть в прежний наряд, если только...

Если только что? Праавильно! Если только она ночевала не дома, и ей попросту не во что переодеться.

– Берки, а что ты здесь делаешь? – вкрадчиво интересуюсь и, не дождавшись ответа, подмигиваю: – Один-один!

Люсиль резко смотрит на меня так, словно пытается развоплотить одним взглядом. А затем делает несколько шагов навстречу и, наставив на меня указательный палец, угрожающе шепчет:

– Ты меня здесь не видела, Кроу! Ясно?

Опираюсь ладонью на дверной косяк и, в свою очередь, подаюсь к ней:

– Взаимно, Берки.

Блондинка словно только того и ждет. Тряхнув белокурой копной, поворачивается к Гасу. Да не просто поворачивается, а льнет к его груди своим роскошным бюстом:

– Увидимся, Гас?

– Несомненно. Если будешь хорошей девочкой, – без тени улыбки и каким-то особенно властным тоном выдает наш душка-некромант.

Встав на цыпочки, Берки медленно касается губами уголка его рта. При этом на меня многозначительно так косится. Гас не отвечает на ее поцелуй. И, вообще, остается недвижимым, словно и не его самая красивая девушка академии целует, а так – коснулся порыв ветра. Но Берки вроде бы не обижена. Послав всем нам напоследок очаровательную улыбку, она гибкой кошкой выскользывает из комнаты:

– Это что сейчас было? – ошеломленно интересуюсь, проводив ее взглядом.

– Похоже, у Бледного появилась подружка, – ехидничает Арес.

И когда только успел подняться и подойти к нам?

– Отвали, Дарро! – огрызается некромант и ворчит: – Сами-то хороши! Устроили здесь непотребство! Как тебе не стыдно, Ирис?

Возмущенно тарашусь и хватаю ртом воздух, но прежде, чем нахожу подходящие слова, за меня отвечает светлый:

– Непотребство – это по твоей части. Ты ее ночью розгами порол, что ли? – он указывает кивком вслед ушедшей Люсиль и добавляет шепотом, прикрываясь от меня ладошкой: – Я спросонья думал, может, помощь кому-то нужна. Хорошо вовремя сообразил не вмешиваться. Силен, брат.

– Да пошел ты! – с некроманта окончательно слетает маска невозмутимости, и скулы приобретают цвет нежной розы.

От таких разговоров у меня загораются уши, а тонкая ткань ночнушки начинает казаться прозрачной. Вся пунцовая от стыда, обхватываю себя руками:

– Мне... Мне надо одеться! Срочно!

Арес не отвечает, вместо этого обнимает меня за плечи и целомудренно целует в макушку. Глаза Гаса приобретают бешеное выражение, но светлый бесцеремонно закрывает дверь комнаты прямо у разъяренного Тамбертона-Экрю перед носом, а в следующий миг мы оказываемся посреди моей спальни.

– Арес! Мы так точно попадемся! Адептам запрещено пользоваться порталной системой академии...

И вдруг осознаю, что вчера мы не смогли бы перенестись ко мне в комнату прямо с ночной улицы. Туда действие местных порталов не распространяется, и тем не менее Арес нас перенес! Значит, он перемещается каким-то иным способом?

– погоди! Ты что, сам это делаешь?! Но как?

– Не переживай, дайри, – отмахивается светлый. – В Раадриме с магией перемещений дела обстоят так себе. Вряд ли нас кто-то засечет.

– Но это же... беспечно!

– Ничуть, – легкомысленно усмехнувшись, светлый пресекает спор. – Давай обсудим это позже, а сейчас одевайся. Через минуту-другую твой бледный дружок будет здесь, и мне не хочется, чтобы он снова паялился на тебя в этом, – Арес оттягивает пальцем тонкую бретельку моей сорочки.

Смотрит он при этом так...

Щеголять в подобном виде среди белого дня до ужаса неловко.

– Не смотри, пожалуйста! – бурчу, опять заливаясь краской.

Арес понимает просьбу дословно и исчезает, коснувшись губами моей макушки.

– Словно и не было! – восхищаюсь я.

Вчера мне не довелось толком рассмотреть, как его появление выглядит со стороны. Ни звука, ни света. Никаких магических колебаний я не ощущаю. Раз – и его нет! Как будто я просто моргнула, а светлый успел куда-нибудь спрятаться.

Ну и хорошо. Определенно такая способность пригодится при изготовлении артефакта переноса, только надо будет разузнать в подробностях, как именно он это делает.

Ой! Я же забыла спросить Гаса об императорской метке. Да и у Берки тоже. Во время нашего короткого разговора Люсиль не выглядела мученицей, не спавшей половину ночи. Хотя нет, как раз так она и выглядела, но уж точно не из-за мучавшей ее боли.

Едва успеваю умыться, кое-как причесаться и натянуть домашнее платье, как в дверь гостиной стучат. Арес не ошибся, это некромант.

– Входи, – пропускаю Тамбертона-Экрю внутрь.

Быть здесь с ним вдвоем после утренней сцены неудобно. Стараясь не смотреть на парня, принимаюсь заваривать чай, заодно раздумывая, не позвать ли Гейл под предлогом завтрака.

– Извини за Берки, – нарушает повисшее молчание некромант. – Она отказывалась уходить, пока не заглянет в комнату к Аресу. Мне надо было быть жестче и выставить ее сразу... – он нервно откидывает на спину волосы.

– Ты и Люсиль... Вы вместе? – не могу сдержать любопытства.

– Мы приятно провели время. Я же – звезда, почему бы некоронованной королеве академии не стать моей хоть разок? – неловко шутит Тамбертон-Экрю. – Но если честно, я не против попробовать встречаться с Берки. Один на один она интересная личность. Совсем не такая, какой кажется.

Где-то в темной глубине души слова Гаса меня слегка задевают, и я меняю тему:

– Мне все равно не ясно, зачем Люсиль понадобилось вламываться в комнату к Аресу? Хотела заставить тебя ревновать, что ли?

– Понимаешь, Берки вбила себе в голову, что появление Ареса Дарро как-то связано с арестом Маклюса. Она подозревает, что он здесь что-то вынюхивает по приказу императора. Слишком уж мутный, зато ректорша его привечает.

– Хм. Даже если так, Люсиль что, собиралась его допросить прямо с утра?

– Надеялась обнаружить в его спальне что-нибудь, что поможет нам выяснить, для чего он тут.

– Бред какой-то! То есть ее домыслы – достаточное основание, чтобы врваться без спроса в чужие спальни?

– Я был против, о чем и заявил прямо, но она меня ослушалась. Не беспокойся, Ирис, я проведу воспитательную беседу с Люсиль. Обещаю, она больше не станет вам досаждать.

Ого, как Гас заговорил! По-новому гляжу на друга, не в силах удержаться от подколки:

– Неужели, и правда, розгами выпорешь?

– Тьфу на тебя, Кроу! И ты туда же. Светлый плохо на тебя действует.

Ну наконец-то его проняло!

– Ой! Кстати, насчет светлого. Гас, тебе туго пришлось этой ночью? – спохватываюсь, вспомнив, что так и на задала важный вопрос.

– О, Ирис! – некромант закатывает глаза к потолку. – Давай уже закончим обсуждать мою личную жизнь?

– Гас! Я говорю о метке!

– О метке? – некромант задумчиво трет запястье с песочными часами. – Знаешь, я что-то почувствовал, но так и не понял, что именно. Понимаешь, я очень устал. Сначала пел, потом...

– Обойдемся без интимных подробностей! Ты же сам об этом просил! – машу руками так, словно некромант снова в обмороке.

Как же все-таки забавно его поддразнивать.

– А как насчет Берки? Ну... Вы же спали вместе. Может, ты что-то заметил? Она не стонала, не жаловалась? – смущаюсь, но все же задаю вопрос.

Некромант смотрит с прищуром, я жду, что он снова пошутит.

– Точно! Она-то меня и разбудила. Я проснулся и обнаружил, что Люсиль вертится и хнычет во сне. Обнял ее, и мы снова уснули. Правда, не сразу... – все-таки делится он.

– Люсиль жаловалась на боль в татуировке? – стараюсь сосредоточиться на главном.

– Я так и не понял. Сначала, возможно, так и было, но потом мы отвлеклись. А что?

– Давай подождем Гейл, не хочу повторять свой рассказ дважды.

Проклятийница словно только и ждала, пока про нее вспомнят. Невозмутимая и строгая, как обычно. С идеально ровными волосами и подкрашенными губами она появилась из своей комнаты.

Хм. Такой густой вишневым тон помады, должно быть, отлично скрывает следы поцелуев. Ой! Что-то у меня мысли этим утром все не в ту сторону...

– Чистой ауры, Ирис, Гас!

– Чистой ауры, Гейл! – отвечаем вразнобой, и я интересуюсь: – Как спалось?

– Просто прекрасно, если бы не эта гадость, – подруга красноречиво трет запястье.

– Вот! У тебя тоже рука болела? Я думала не выдержу и заору. Просто жуть какая-то. Если бы не Арес, не знаю, что бы делала.

Мое красноречие разбивается о недоумение на лице подруги.

– Да нет, ничего такого... – Гейл явно растеряна. – Немного поныло, но и близко не так, как в первый раз.

– Странно... – теряюсь я.

– Может ли такое быть, что у меня одной такой отложенный эффект? Или... Это тоже была часть испытания? Какая-то проверка?

– Похоже, у тебя еще на одну причину больше не ходить во дворец, – выражает нашу общую мысль Гас.

Гейл в это время что-то пишет в блокнотик.

– Жак сейчас будет. Я попросила его узнать по пути, как чувствуют себя другие адепты, которым поставили метку. – Гейл наливает себе чай. – Ирис, Гас прав, я тоже считаю, что тебе опасно появляться рядом с императором. Авельенец в Раадриме это... Это чрезвычайная ситуация, понимаешь? При этом полагается ввести военное положение?

– Ч-чего?! – сиплю я.

– Возможно, сработали какие-то системы оповещения, и уже ищут причастных, – добирает меня Гейл.

– Первый раз о таком слышу. Нам подобное не преподавали. Про существ и существование других планов и миров – сколько угодно рассказывали, но про авельенцев и все, что с ними связано, – ничегошеньки!

Обхватив себя руками, принимаюсь в панике метаться из угла в угол. Но вдруг осознаю самое важное и, остановившись, гляжу поочередно на Гаса и Гейл.

– Но если я не приду на экзамен, как потом докажу, что в моих действиях не было злого умысла, а появление Ареса – чистая случайность?

Если все откроется, то за кражу гримуара и запрещенный ритуал мне все равно придется ответить, но с этим я уже почти смирилась.

Друзья переглядываются и вздыхают.

– Не отговорим? – интересуется некромант у проклятийницы, как будто меня здесь нет.
– Безнадёжно, – качает головой та.
– А если ее проклясть слегка? Ну там, на забывчивость или что-то такое же безобидное?
– Можно попробовать, – лениво морщит нос Гейл, словно припоминая подходящее проклятье.

– Даже не думайте!

Шум и ругательства снаружи отвлекают нас от перепалки. Прямо дежавю какое-то!

– Ой... – растерянно смотрит на нас Гейл и вдруг, всполошено пискнув, забавно семенит на цыпочках к выходу.

Шагать шире ей мешает узкое платье. Когда она распахивает дверь, мы все хором вскрикиваем от неожиданности. И я, и Гейл, и даже невозмутимый скептик-некромант выдает какую-то высокую ноту. Не отстает от нас и гость. Это не кто иной, как Жак Даманн, но почему-то с повернутой на сто восемьдесят градусов головой. Так, что на нас смотрит только его макушка.

– Гейл, Гейл, Гейл... Сделай что-нибудь, а? Я свой зад вижу! – артефактор явно на грани паники.

– Тебе больно, дружище? – Гас обходит друга по кругу. – Ты умираешь?

– Не дождешься, бро! – жалобно огрызается Рыжий. – Я не позволю издеваться тебе над моим беззащитным телом, гнусный изврат!

Гас и Гейл поспешно втягивают пострадавшего в гостиную и усаживают на диван. При этом его лицо слегка выглядывает над спинкой, как будто Жак балуется, играя с нами в прятки.

Кран-тец! От такого зрелища меня слегка мутит.

– А чего тогда орал, раз не помираешь? – запоздало интересуется некромант.

– А вы чего орали, а? Сраный ты некрот! Тебя обычно никаким умертвием не испугать, а тут визжишь будто девчонка! Вот и я за компанию. Мне-то куда страшнее. Только что башка перевернулась задом наперед, и так едва со страху не помер, и вдруг сзади ор!

– Вообще-то, спереди, – поправляет его Гас.

Тихо сползаю по стенке, беззвучно хохоча. До того нелепая ситуация! У Гейл форменная истерика, она даже всхлипывает, едва держась на стуле.

Отсмеявшись, спрашиваю:

– Гейл, ну зачем ты его так, а? Как он будет теперь артефакт переноса делать в таком состоянии?

Проклятийница растерянно запускает пятерню в волосы, и я с легкой завистью отмечаю, что ее прическа от этого совершенно не страдает. Интересно, а можно ли проклинать на что-то полезное? Возможно сделать, к примеру, «проклятие отличной учебы» или «непрерывного карьерного роста»? А что будет, если каждую волосинку проклясть мгновенным выпрямлением? Хмм...

Подруга тем временем пытается напоить водой незадачливого ведуна, снова напоровшегося на одно из ее экспериментальных проклятий.

– Это надолго? – сдавленно интересуется Рыжий.

– На несколько часов, полагаю. Я никогда не делаю такие вещи постоянными, – ответ Гейл звучит не слишком уверенно.

– Зачем тебе вообще это понадобилось именно сегодня? – злится артефактор.

Растерянная как никогда Гейл заламывает руки.

– Рыжий, ты это... прости. Сама не знаю, что нашло. Решила что-нибудь эдакое сотворить перед... Перед расставанием. Головокружительное. Чтобы запомнилось...

На этом месте смеется даже Жак, впиваясь от хохота зубами в спинку дивана и пытаясь неловко утереть об нее слезы на глазах. Выглядят его попытки нелепо и странно, отчего наш смех только получает новую подпитку.

Когда в дверь снова стучат, мы даже неспособны внятно ответить. Арес Дарро входит без спроса, словно никаких защитных заклятий на нашем блоке отродясь не бывало. И первое, что он видит – рыжий затылок Жака, сидящего на диване.

– Ромпец! – вздрагивает светлый, подавив инстинктивное желание отступить на шаг.

Слово незнакомое, но явно ругательное, это и йарху件нятно.

– Оно самое, Дарро, что бы ты там ни выдал на своем тарабарском, – соглашается с ним Рыжий.

– Это вы его так за длинный язык покарали? – с нарочитым пониманием интересуется светлый.

– А что такое «ромпец»? – спрашивает Гейл Мандрейдж.

– Зверек такой. Красивый, но очень опасный, – охотно отвечает ей Арес.

– Рыжий? – бросает невзначай некромант.

– Нет, белый. Пушистый и маленький, не больше ладони.

– И чем же он тогда так опасен? – не удержавшись, интересуюсь я.

– Тем, что появляется перед снежной бурей. Как вестник скорой гибели для всего живого у нее на пути.

– И где это у вас такие бури бывают? – ехидно интересуется Жак.

– Есть места, – уклончиво отвечает Арес и переходит к главному. – Я пришел, чтобы помочь вам сделать артефакт для Ирис, но прежде предлагаю позавтракать, – он бросает скептический взгляд на затылок Рыжего. – Страдалец, ты есть-то способен или как?

– Твоими молитвами сподоблюсь, – огрызается тот.

Кивнув, Арес накрывает на стол одним небрежным движением руки. Перед нами словно из ниоткуда появляются три подноса. Гостиная тут же наполняется невероятными ароматами тушеного мяса, свежих булочек с корицей, яблок и еще всякого, отчего желудок приходит в экстаз.

– Жрачка точно не из нашей столовки! – с удовольствием тянет носом ведун. – Что там? Мне покажите! – он вскакивает, но координация у него нарушена.

Парни подхватывают его, помогая удержаться на ногах – падающий Рыжий едва не оставил нас без самого чудесного в мире завтрака. Светлый ловко разворачивает стул к столу спинкой, и парни усаживают на него Жака – лицом к еде. Наблюдать за этими манипуляциями то еще удовольствие, и мы снова не можем удержаться от смеха.

– А ему есть не вредно? – уточняю я у подруги.

– Не думаю, – не слишком уверенно жмет плечами Гейл.

Она располагается рядом, чтобы помочь Рыжему питаться. Начинаю подозревать, что для нее в этом есть какое-то особенное удовольствие.

– Да ну вас! Я слишком голоден, чтобы думать о каких-то временных трудностях, – ведун, как обычно, оптимистичен.

– О трудностях будешь думать позже. Когда все переварится, – намекает Гас. – Кстати, тебе представится уникальная возможность своими глазами наблюдать за...

Болтливое как никогда некроманта прерывает наш негодующий вопль, и не без помощи воздушных духов прилетают сразу две диванные подушки – от меня и от Гейл.

Арес только улыбается по-особенному умиротворенно, наблюдая за нами, словно матерый волк за возней толстолапых щенят.

С завтраком наша шумная компания разделяется в мгновение ока. Мы с Гасом шутиво сражаемся за последнюю булочку, и я побеждаю. Маленький воздушник успевает вырвать

лакомство едва ли не изо рта у друга. В честь победы делюсь с некромантом половиной, и мы с хрустом впиваемся зубами в свежую выпечку.

– Ммм!

Стонет и негодует Жак, который не в том положении, чтобы соревноваться с нами на равных, ну а Гейл считает подобные вещи ниже своего достоинства. С последним кусочком булочки заканчивается время веселья и дурачеств. Лица друзей постепенно становятся серьезными, и я интересуюсь:

– Жак, так что насчет метки? Тебе удалось что-нибудь узнать, пока ты шел сюда?

Глава 3. В единстве – сила

Рыжий тяжело вздыхает и, сложив руки на груди, принимается рассказывать:

– По дороге я встретил целых двух боевиков, которые возвращались в общежитие после ночного кутежа. Как думаете, что они ответили мне на вопрос: «Не болела, ли у вас, парни, рука ночью?»

– Подозреваю, ничего хорошего, – усмехается Арес.

– За такую формулировку я бы тебе еще и в морду дал на всякий случай, – соглашается с ними Тамбертон-Экрю, с трудом удерживая серьезную мину на лице.

– Да я и сам понял, что ляпнул не то, поэтому не стал нарываться на... Хм. Подробности.

Хоть Рыжий ничего толком не выяснил, но даже из того, что рассказали Гейл и Гасу, понятно, «повезло» только мне.

– Ладно, не будем тратить время попусту.

За дело беремся рьяно, но где-то к обеду всем начинает казаться, что затея безнадежная. Недаром подобные артефакты в Раадриме не используются. Усугубляет все проклятие, наложенное на ведуна. Его постоянно приходится вертеть туда-сюда, отчего беднягу мутит и укачивает. Немного помогает зеркало, которое я принесла из комнаты, но этого все равно недостаточно. Как итог: шума много, смеха и ругани еще больше, а толку почти никакого.

В какой-то момент Арес отводит меня в сторону. Взяв за плечи, заглядывает в глаза:

– Ирис, не переживай только. Если что, просто позови меня на помощь, как сегодня ночью. Я приду и заберу тебя.

– Во дворце серьезная защитная система. Не думаю, что у тебя получится.

– Получится. Просто верь мне, – обнадеживает светлый.

Вглядываюсь в синие, как ночное небо, глаза и понимаю – он действительно уверен в том, что говорит. Значит, и мне стоит верить.

Мне безумно хочется к нему прикоснуться, и я позволяю себе это – веду пальцами по его груди.

– Спасибо. Но, если ты это сделаешь, о тебе сразу станет известно. Объявят военное положение, и я вряд ли смогу после такого здесь остаться. А я люблю Тенидар всем сердцем... Давай оставим этот вариант на самый крайний случай, хорошо?

– О чем вы там шепчетесь? – с подозрением интересуется Рыжий, не зная, как лучше повернуться, чтобы было удобнее подслушивать.

В тот же миг проклятие спадает. Голова ведуна, крутанувшись на сто восемьдесят градусов, с противным звуком принимает верное положение на плечах.

– Меерзость! – передергивается некромант, с непередаваемым выражением глядя на друга. – Но я рад, что ты снова к нам лицом.

– Сам ты мерзость! – огрызается Рыжий и, приобняв Гейл за талию, просит: – Больше так не делай, ладно?

– Не буду! – розовеет проклятийница.

Стекла ее очков на мгновение запотевают от избытка чувств, но тут же проясняются, когда срабатывает защитная магия.

– А теперь за работу! – Жак дважды хлопает в ладоши. – Ирис, можно еще раз взглянуть на защиту твоей комнаты? Нужно подробнее изучить структуру. Пока башка смотрела не в ту сторону, мысли тоже путались, а теперь будто пелена спала. Кажется, я понял, где лажаю.

– Конечно! Заходи, – приглашающим жестом указываю Рыжему на дверь своей спальни.

– Если что, спрашивай, я разьясню, – Арес идет за ним следом.

Через несколько минут мы вновь приступаем к работе. Опять шум, ругань, споры. Трижды мы со светлым переносимся в торговый квартал, где продают всякие магические ингре-

диенты и предметы. Дважды он переносит туда Рыжего, потому что мы умудрились закупить не того.

– Да вы прямо влюбленная парочка! – глумится некромант, когда парни в очередной раз материализуются в обнимку посреди нашей разгромленной гостиной.

– Да пошел... – Рыжий вдруг обрывает себя на полуслове и трогательно заглядывает в глаза Аресу: – А как ты это делаешь, светлый?

– Я все ждал, когда ты спросишь, красавчик, – имитируя разгульный девичий тон, отвечает ему тот.

После очередного обмена «любезностями», от которого мы с Гейл смущенно прыскаем, парни принимаются обсуждать подробности по делу.

– Ни слова не понимаю, – хмурится проклятийница, вслушиваясь в их разговор.

– Я тоже, – подавив зевок, кошусь на часы.

Поздний завтрак давным-давно куда-то провалился, и пустой желудок, в который уже раз, напоминает, что пора бы обратить на него внимание.

– В столовую идти поздно. Может, бутерброды с шоколом? – предлагает Гейл, вынимая из буфета чашки.

Парни бурно выражают одобрение.

– С удовольствием! – принимаюсь ей помогать.

Пока Гейл кипятит воду, наполняет высокий узкий шокольник с тонким носиком ароматным порошком, я делаю бутерброды из того, что нашлось в закромах. Тем временем Арес создает и удерживает иллюзию – продолговатый камень неровной формы, перевитый какими-то проволочками. Жак то и дело тычет в проекцию пальцем и требует то перевернуть, то внести изменения.

– Все за стол! – командует Гейл, разливая по чашкам свежий ароматный напиток.

– Арес, ты можешь это оставить? – интересуется Рыжий, ухватив бутерброд. – За едой лучше думается.

Уничтожив бутерброды, мы допиваем по второй чашке шокола. Жуем молча, стараясь не мешать гению думать. Арес продолжает вносить изменения в висящую над столом проекцию.

– Кроу, ты сможешь пронести с собой что-то вроде этого? – Жак указывает чашкой на иллюзию.

Арес щелкает пальцами, и сияющий золотом и голубыми искорками «амулет» величиной с добрый булыжник, ложится мне на грудь.

– Экстравагантное украшение, – отмечает Гейл.

– Готовый он будет такого же размера? – с подозрением интересуюсь я, разглядывая иллюзорный кулон.

– Угу, – кивает Жак и, отняв у Гейл чашку с недопитым шоколом, опустошает одним глотком.

– Тогда вряд ли, – скептически поджимаю губы.

– Рыжий, если ее с этим делом еще на охране спалят и скинут в ров, твой спас-амулет довершит дело, – качает головой Гас.

– В каком это смысле? – хмурится Жак.

– В таком! С этим булыжником только топиться, – кривит губы некромант.

Я с ним полностью согласна.

– А, вон ты про что! Не переживайте, во дворце давным-давно нет рва, – отмахивается Рыжий, словно именно в этом и заключается наша главная проблема.

– Жак, он великоват самую чуточку и слишком заметен, – тактично отмечает Гейл. – Ирис не сумеет пронести его с собой. Охрана отнимет все, что сочтет хоть немного подозрительным еще в первом защитном контуре.

Гейл частенько бывает на приемах во дворце и знает, о чем говорит.

– А если не надевать его на шею, а положить, к примеру, в сумочку? – не унывает наш гениальный артефактор.

Проклятийница скептически мотает головой.

– Тогда... Можно спрятать его в белье. В твоём шкафу наверняка найдется что-нибудь подходящее... – не унимается Даманн.

– Жак! – возмущенно швыряю в болтливую артефактора самой тяжелой конфетой, что нахожу в корзинке со сладостями.

– Ирис, откуда он знает про то, что хранится у тебя в шкафу? – с подозрением смотрит на меня Арес.

– А я шкафофил! Не могу пройти мимо шкафа и не заглянуть внутрь, понятно? – огрызается ведун.

– Парни, у нас мало времени. Хотелось бы хоть немного выспаться перед испытанием, – прерывает их перепалку Гейл.

И правда, за окном уже сумерки, а я прошлой ночью толком не спала.

– Жак? – торопит друга некромант.

– Я понял. Нужно как-нибудь уменьшить амулет до приемлемых размеров, – яростно чешет в затылке артефактор.

– Не только уменьшить, – вздыхает проклятийница. – С собой можно приносить ограниченный список вещей. А это... Это даже не запатентовано.

– Магический фон для украшений должен составлять не более двух десятых по шкале Мерлина, – отмечает Гас Тамбертон.

– То есть недостаточно сделать уникальный амулет, аналогов которому не существует, его еще и замаскировать надо? А счастье было совсем рядом... – артефактор выпускает горестный стон и, сникнув, падает на стул и отворачивается.

Казалось бы, чего расстраиваться, когда есть всемогущий светлый, который может проникнуть куда угодно и вытащить меня? Но этот артефакт – шанс для Жака и Гейл. Вдруг мне в голову приходит одна дельная мысль:

– Жак, принцип действия этого амулета полностью завязан на светлой магии, ведь так?

– Так, – хмуро кивает Рыжий, принимая свежую чашечку шокола из рук какой-то особенно заботливой сегодня проклятийницы.

– Тогда почему бы не использовать для маскировки это?

Демонстрирую песочные часы на запястье.

– Ирис! – ведун ставит чашку на стол и подсакивает. – Да ты долбаный гений! Фон от этой метки скроет незначительные эманации светлой магии от амулета. Никто и не поймет, что дело вовсе не в ней!

– Согласен. Никому не придет в голову подозревать призывателя темных существ в использовании светлой энергии! – вторит ему Гас.

– Арес, покажи-ка мне еще раз чертеж? – в зеленых глазах Жака Даманна лихорадочно сверкают огни силы.

Светлый увеличивает проекцию, и артефактор принимается ее разглядывать, беззвучно шевеля губами и нервно ероша волосы. Затем бросается лихорадочно перебирать камни, сортируя их по двум разным кучкам. Сейчас как никогда Жак напоминает классического мага-ученого – слегка чудаковатого или даже безумного.

– Нужна подходящая основа. Вот! Зеленый шпит. У этого минерала наиболее удачная структура, и он отлично удерживает внутри магию.

– И недорогой. Если сломаешь, не слишком ударит по карману, – добавляет Гас.

Арес одобряет выбор и напивается кристалл светлой магией под завязку.

– Носитель не выдерживает, – морщится Жак, когда осколки уже трех образцов усыпают стол и противно хрустят под ногами.

Буч и Йокко наводят относительный порядок, пока мы хмуρο наблюдаем за ними и думаем.

– Есть идея! – вдруг вскидывается Гас. – Если предположить, что носитель – это мертвое тело, которое нужно оживить при помощи светлой энергии и при этом не разрушить, можно попробовать сделать вот так...

У нас выходит обуздать светлую магию Ареса при помощи описанных некромантом техник, но и этого недостаточно. Приходится поломать голову, прежде чем мы с Гейл соображаем совместить основу проклятий иссушения и мои формулы по расчету магической энергии, необходимой для переноса живых тел. Задача не из легких, но нам удастся создать совершенно новое и уникальное защитное плетение, а спустя еще полчаса Жак с гордостью кладет перед нами на стол три образца.

– На Ирис тренироваться не позволю, а мне ничего не сделается, – Арес вызывается испытать спас-амулет первым.

Прихватив один камень со стола, светлый исчезает раньше, чем кто-то успевает возразить. Впрочем, спорить с ним никто и не собирается. Особенно я, как самое заинтересованное лицо. Через минуту Арес появляется перед нами снова.

– Работает! – расплывается он в широкой улыбке.

– Работает! – орем хором.

– Это точно не ты сам? – интересуется у него подозрительный Жак.

Если честно, я тоже не до конца верю, что у нас получилось.

– Точно, Бледный. Можешь, сам попробовать и убедиться, – предлагает светлый.

Некромант берет со стола второй камень и демонстративно выходит за дверь, а через несколько минут появляется посреди нашей гостиной, ошарашенно моргая.

– Демоны хаоса! Я перенесся сюда прямо из собственной спальни! – восклицает он.

– Гейл... Гейл, мы это сделали! – Жак Даманн крепко целует проклятийницу прямо в губы.

Ошалевшие, мы обнимаемся и радостно делимся впечатлениями, пока во внезапно наступившей тишине не раздастся храп. Переутомившийся Рыжий отключается прямо на слишком маленьком для него диване. Согнутые колени ведуна трогательно свисают над краем, а под голову он совсем по-детски подложил ладошки. Вряд ли ему удобно, но на его лице царит безмятежная улыбка.

Решив последовать этому весьма заразительному примеру, прощаемся и разбредаемся по комнатам, обнаружив, что уже глубокая ночь. Последний экземпляр спас-амулета я забираю с собой.

– Ир-р-рис! И-и-р-р-рис? – нежно поет ворон, разрушая какой-то на диво приятный сон. – Вставай!

Скажите, бред? Да чтобы ворон и нежно пел? Но мой фамильяр – темный дух, который может принимать любой облик. Образ экстравагантного ворона не более, чем блажь, но предпочитает Птиц именно его.

Нехотя разлепив веки, вижу черный с алым отблеском в глубине зрачка выпуклый глаз на расстоянии ладони. Хриплю:

– Птиц, если ты снова разбудил меня на час раньше, чем нужно, я за себя не ручаюсь!

Мой голос от недосыпа звучит похуже вороньего карканья. Намного. Если бы кто-нибудь сейчас вздумал устроить между мной и Птицем соревнование на благозвучность, победила бы точно не я.

– Не на час. Всего-то на полчаса, – оправдывается несносный фамильяр. Поднимайся, лентяйка, тебе еще бр-р-раслет делать!

На всякий случай Птиц неуклюжими прыжками, точно гигантский воробей, перебирается на подоконник – подальше от меня. Деловито прохаживается там совершенно по-птичьи.

– Какой еще браслет? – хмурюсь, не слишком хорошо соображая спросонья.

– Тебе же нужно куда-то пр-р-респособить эту штуковину? – Почему бы не использовать бр-р-раслет? Кажется, у тебя как р-р-раз есть подходящий. Ты на четвер-р-ртом кур-р-рсе в нем экзамен по пр-р-ризыву сдавала. Помнишь?

Птиц ловко перепрыгивает на тумбочку, где лежит полученный с таким трудом спас-амулет и... Склевывает его, как какого-нибудь червяка!

– Птиц! – в ужасе подскакиваю на кровати. – Что ты наделал?!

Сон слетает в момент. Я хватаю первое, что попадает под руку, и запускаю в несносного ворона. Как всегда, это подушка. Старая и тяжелая. Настоящую птицу прибило бы, но фамильяру все нипочем. Он превращается в эфемерное облачко тьмы, и амулет с характерным звуком падает обратно на тумбочку.

– Хана тебе! – запускаю в него универсальным развоплощением.

Все равно увернется, гаденыш. Темного духа таким не проймешь. Требуется что-то посильнее простого защитного заклинания, которое изучают еще на первом курсе. Но... Издав невнятный шипящий звук, ворон исчезает!

Темный дух развеялся, точно обычный призрак.

– Ой... – растерянно тарашусь на то место, где только что был мой фамильяр и смеюсь: – Нет, ты меня не проведешь! Хватит прятаться, Птиц! А ну, вылезай, негодник!

Да как я могла его развоплотить? Это же невозможно!

Птиц – мой первый фамильяр, и я не могла его так легко уничтожить. Для этого необходимо провести сложный ритуал. Да и повод должен быть весомый, ведь разрыв связи и на призывателя негативно подействует. Но я сильная магесса, к тому же наша связь с Аресом могла как-то повлиять на мои способности. Неужели сгоряча я влила больше магии, чем требовалось?

Да нет же! Я бы почувствовала, если бы Птица не стало.

Прислушиваюсь к себе, но ничего не ощущаю, кроме недосыпа. С другой стороны, раньше я не теряла фамильяров и не знаю, как это.

– Птиц, миленький! Ну ладно тебе! Выходи, я уже все поняла. – жду, но никакого намека на то, что Птиц прячется в комнате. – Ну прости дуру! Я не хотела. Я больше не буду! Птиииц! – канючу, уговаривая капризного и обидчивого духа, а в груди зреет нехорошее предчувствие. – Ну, Птиц! Птиц...

Пальцы против воли подрагивают, когда вывожу малый круг призыва. Ворон, конечно, смертельно обидится за то, что испорчу ему всю игру, но сейчас не до сантиментов. Зато узнаю точно, в порядке он или нет.

Символы в воздухе вспыхивают алым, но ничего не происходит. И кажется, что я действительно больше не чувствую связи с фамильяром. Совсем...

На мгновение у меня опускаются руки.

– Нет... Как же так? Почему? Глупо-то как вышло и не вовремя...

Стиснув зубы, выдергиваю из письменного стола ящик и вываливаю содержимое на постель. Выбираю нужные ингредиенты и отшвыриваю в сторону старенький прикроватный коврик.

Нельзя творить такое в общежитии... Плевать! Никто ни за что баллы больше не снимет. Выпускной экзамен сдан на отлично, и диплом у меня в кармане. Бояться больше нечего.

Линия. Линия. Линия...

Пальцы чертят идеальные прямые даже на дощатом полу – сказываются годы тренировок. Два треугольника – один над другим. Вершина навстречу вершине. Вписываю гексаграмму в окружность. Вывожу хитрую вязь символов мертвого языка. Схема универсальная с одним

защитным контуром, зато зов усиленный. Шесть свечей на каждый луч. Взмах руки, и призванный огневик проносится по кругу, зажигая фитили...

– Оantro. Урус. Экзао! – слова звучат четко и правильно.

Завершающий символ в центре вспыхивает первым. Алое свечение расходится по линиям, симметрично зажигая каждую. Загорается круг, озаряя маленькую комнату зловещими алыми всполохами. Выпрямляюсь и щедро вливаю в схему призыва магию. Ее уже столько, что хватило бы призвать еще одного Ареса, да только ничего не происходит...

Круг пуст. Никакого темного марева в центре. Нет ни ворона, ни даже полудохлой оципанной вороны на худой конец. Мой фамильяр... Мой самый первый близкий друг так и не является.

Можно сколько угодно пытаться снова. Чертить разные схемы так и сяк, он не придет. Отныне это бесполезно. Я сделала все, что могла, но Птица просто больше нет...

Бессильно падаю на колени, ощущая, как сухие рыдания с болью прорываются сквозь осипшее горло...

– Ирис, ты проснулась? – Гейл стучит в дверь моей спальни. – Завтракать пойдешь?

Нужно ответить, а горло словно придавили ногой в тяжелом ботинке.

– Нет, мне сейчас кусок не ползет. Иди без меня...

Для столь длинной тирады требуется серьезное усилие, но я не хочу нагружать подругу своими проблемами перед испытанием.

– Уверена?

– Да.

– Волнуешься?

– Очень.

– Прихватчу что-нибудь для тебя. Вдруг передумаешь.

– Хорошо, спасибо.

Проклятийница уходит, а я так и остаюсь сидеть на полу в полной растерянности. И даже не сразу реагирую, когда рядом вспухает ослепительно-белый шар света, внутри которого проявляется мужская фигура.

Арес. Уже собранный. На лице тревога.

– Дайри, что с тобой? Снова метка?

Яростно мотаю головой.

– Тебя кто-то обидел?

Его глаза лучатся искренним сочувствием, и в этот момент меня прорывает. Издав горестный всхлип, заливаюсь слезами. Светлый тут же подхватывает меня на руки, обнимает. Гладит по спине и целует в макушку, а я реву, как пятилетняя девчонка, – в голос. Комкаю его футболку, щедро орошая слезами.

Минут через десять меня отпускает, и я тихонько переползаю с колен Ареса на кровать. Сажусь рядом, глядя в пол, мне жутко неловко. Светлый не задает вопросов, просто приносит мне стакан воды. Ждет, пока успокоюсь.

– С-спасибо, – выдаю еле слышно. – Прости, я испачкала тебе футболку.

Арес только отмахивается.

– Я могу чем-то помочь?

– Вряд ли, – качаю головой. Он не спрашивает, но я чувствую потребность выговориться: – Я убила Птица, Арес! Уничтожила собственного фамильяра! – голос срывается на мышинный писк.

Чувствую, что сейчас снова разрыдаюсь и спешу к шкафчику у входа. Там под зеркалом в выдвигаемом ящике хранятся разные снадобья. В том числе и успокоительные. Высыпаю тройную дозу в остатки воды. Принимаю залпом.

– Пойду умоюсь. Побудешь здесь?

Я не привыкла выражать эмоции на людях и стесняюсь этого. Тетушка считает, что это неприлично, а иногда даже оскорбительно для посторонних, но сейчас мне не хочется, чтобы светлый уходил. Чувство утраты возрождает во мне невесть откуда взявшуюся фобию – меня снова бросят, и я останусь одна.

Я боюсь потерять и его тоже. Боюсь больше не увидеть этого, внезапно ставшего мне таким дорогим, мужчину!

Арес глядит исподлобья, улыбаясь одними глазами, а я вдруг ловлю себя на том, что застыла на пороге ванной комнаты, и смотрю на него так, словно хочу запомнить каждую черточку. Каждое пятно от моих слез на его футболке. Каждую точку темной щетины на мужественном подбородке. Выражение глаз, беспорядок в волосах. Его всего...

– Ирис?

Но как же неловко! Светлый совсем меня за дурочку примет: то реву как раненый заяц, то застываю в пространстве, уставившись в одну точку.

– Ничего. Сейчас вернусь!

Пока принимаю душ, успокоительное действует, замораживая наглухо все чувства и эмоции. Состояние вселенского равнодушия стремительно овладевает мной. Закрадываются подозрения, что доза «Спокухи» далеко не тройная, но так даже лучше. Дыхание выравнивается, сердце стучит медленнее, и больше не тянет рыдать. Отлично! Значит, мне будет не до истерик в ответственный момент. О том, как стану проходить испытание без Птица, не хочу даже думать. Как-нибудь...

С такими мыслями и возвращаюсь в комнату.

– Ирис, ты...

Арес медленно поднимается, не сводя с меня растерянно-ошалевшего взгляда. Сглотнув, он вдруг резко поворачивается ко мне спиной.

Чего это с ним?

И тут понимаю, что «слегка» забыла одеться. Совсем! Полотенце на голове ведь не считается, да?

– А... Ой, извини. Вот же казус, – вот вроде и верные слова, но звучат совершенно без эмоций.

Так, будто мне все равно, что я голышом перед мужчиной разгуливаю. Нет, головой я понимаю, что это не так, но внутри мне действительно все равно. По крайней мере, пока...

Ладно. Стесняться и страдать стану позже, когда действие снадобья выветрится. С этой мыслью подхожу к платяному шкафу и подбираю белье. Выбор останавливаю на черном кружеве. В честь Птица...

Но даже эта мысль меня не пронимает. Ни слезинки. Внутри лед.

Как хорошо! Значит, смогу продержаться хотя бы до обеда. Надеюсь, испытание не слишком затянется.

Еще несколько минут трачу на то, чтобы определиться с одеждой. Вчера как-то совсем не было времени об этом подумать. Наверное, стоило с Гейл посоветоваться, да что уж. У меня не так чтобы много вариантов. Справлюсь как-нибудь.

Форму отметаю сразу. Надевать ее во дворец кажется глупым, а вот этот черный пиджак приталенного кроя и темные простые брюки в обтяжку – то, что нужно. И к ситуации подходят и под настроение.

Под пиджак надеваю форменную белую блузу. Ничего, что белье черное, все равно никто этого не увидит. А вот повседневные ботинки совершенно не годятся. С мысленным вздохом надеваю туфли на невысокой шпильке. Равнодушно отмечаю: почти новые, ноги натру...

– Можешь поворачиваться, – ровным тоном уведомляю светлого, посчитав себя готовой.

Арес далеко не так безмятежен, как я.

– Ирис, ты...

– Не обращай внимания. Это все «Спокуха».

– «Спокуха» это?.. – смотрит на меня вопросительно светлый.

– Успокоительное снадобье, что я приняла, – демонстрирую маленький квадратный конвертик, совершенно пустой. – Но я переборщила, кажется... На деле мне ужасно стыдно за все, что я тут устроила.

– Ирис, это не опасно? – Арес забирает пакетик из моих рук.

Нюхает его и пожимает плечами.

– Никто не умер ни разу, – шучу, но смеяться даже не тянет. – Адепты принимают «Спокуху» перед экзаменами, думать не мешает, а нервы держит в узде.

– Ладно, верю. Ты прости, что я так устался. Оторопел от неожиданности, – светлый ерошит волосы на затылке, и этот жест кажется мне таким родным и правильным.

– Давай просто забудем об этом?

Арес не успевает ответить, в дверь снова стучат, и я открываю.

– Ирис, ты готова? – Гейл окидывает взглядом комнату, отмечая беспорядок и мое бледное лицо. И, похоже, делает неверные выводы: – Чистой ауры! Дарро, ты ночевал здесь?

– Чистой ауры, Гейл. Нет, я только что пришел, – вежливо отвечает ей светлый.

– Ирис, собираемся у главного входа. У тебя десять минут, чтобы съесть бутерброд или булочку, – подруга сует мне два бумажных пакета.

Несмотря на успокоительное, испытываю приступ благодарности. Никакие слова сейчас не помогут мне выразить эмоции, поэтому заключаю подругу в объятия:

– Прости...

– Что это с ней? – интересуется у Ареса Гейл.

Ее еще более невозмутимый, чем обычно, тон наводит меня на подозрения.

– Гейл? Ты тоже принимала «Спокуху»? – отвечает вопросом на вопрос светлый.

– Немножко.

Арес сдавленно усмехается, за что мы одариваем его невозмутимыми взглядами, веселя еще больше.

– Ладно. Так понимаю, есть ты не будешь? – слова Гейл звучат утвердительно.

– Не смогу. Извини, передаю пакеты Аресу.

– Тогда выходим, – командует Гейл.

Кивнув Аресу, следую за ней и вдруг вспоминаю:

– Ой! Я едва не забыла спас-амулет. Не жди, встретимся на улице, – возвращаюсь в свою комнату.

Темно-зеленый камешек неправильной формы по-прежнему лежит на тумбочке. Он перевит серебряной проволокой с петелькой на конце – хочешь на цепочку вешай вроде кулона, а хочешь – к заколке или еще куда-нибудь цепляй.

«Поднимайся, лентяйка! Тебе еще бр-р-раслет делать», – звучит в голове хриплый голос Птица.

Украшений в моей шкатулке не слишком много. Перебираю их в поисках того самого браслета, о котором говорил Птиц. Вынимаю, разглядывая серые и черные камешки, совершенно не волшебные. Они свободно болтаются на серебряной основе, словно ягоды на ветке. То, что надо!

Нанизываю туда же спас-амулет и принимаюсь сражаться с застежкой, вспомнив, почему я так редко ношу эту вещь.

– Давай помогу, – в комнату входит Арес.

Его теплые пальцы касаются моего запястья, легко справляясь с тугим замочком. Закончив, светлый отступает, а я смотрюсь в небольшое овальное зеркало над туалетным столиком, по привычке то вставая на цыпочки, то приседая, чтобы встать. В отражении строгая и

немного бледная девушка с равнодушным взглядом и растрепанными волосами поправляет пиджак.

– Может, косу заплести? Как считаешь? Только я сама не справлюсь...

Зная свои способности, понимаю, что переплестать придется раз десять, я точно опоздаю. А болтушек-фей звать и отвечать на неудобные вопросы насчет Птица не хочется. Что из меня за хозяйка такая, которая фамильяров развоплощает ради забавы? Узнают, тут же разорвут контракт. Я им обязательно во всем признаюсь, но только не сейчас, не перед испытанием...

Светлый без слов меня понимает.

– Можно? – касается моих волос, собирая их пальцами.

– А ты умеешь? – хоть сейчас по мне и не скажешь, но я удивлена.

– Посмотрим, – улыбается Арес.

Глядя в глаза моему отражению, он тянется за щеткой для волос. Миг, и его пальцы ловко разделяют мою непокорную шевелюру на несколько частей. Усмиряя, по каждой проходятся расческой. Разгоняя приятные мурашки от затылка и вниз вдоль позвоночника. Даже мои вредные волосы с удовольствием отдаются в его надежные руки. Когда он заканчивает, нигде ничего не вылезает и не торчит. Ни одна прядка, ни один завиток.

Словно в некоем трансе я забываю обо всех горестях от его осторожных, но уверенных прикосновений. Это даже интимнее, чем мой выход в неглиже из душа, а через несколько минут голову уже украшает аккуратная коса.

– Что-то да вышло, – Арес выглядит немного смущенным.

– Спасибо! Я бы так сама не сумела, – звучит слишком сухо, совсем не отражая моих истинных эмоций.

– Дайири, – светлый порывисто разворачивает меня к себе. Долго смотрит в глаза. – Может, откажешься от этой затеи?

Улыбаюсь. Точнее, изображаю грустную улыбку:

– Арес, какое это имеет значение? Для Птица оказалось небезопасно быть рядом со мной, со своей хозяйкой. Наверное, во всем Тенидаре нет такого места, где можно считать себя защищенным полностью, – качаю головой.

Я сейчас даже злиться толком не могу из-за своей безэмоциональности. И это раздражает. Но и раздражение выразить не получается! Замкнутый круг какой-то!

– А еще мне кажется, что я подведу императора, если не приду сегодня. Это будет выглядеть как оскорбление.

Светлый, помолчав, соглашается с моими словами. Его пальцы ловко заправляют за ухо тонюсенькую прядку – одна все-таки выбилась.

– Ирис, идем? – зовет Гейл.

Она все еще здесь, а вместе с ней в гостиной ждут Гас Тамбертон-Экрю и Жак Даманн.

– Мы с Дарро останемся здесь на всякий случай. Если используешь амулет, вернешься именно сюда, а мы пока покумекаем, что делать дальше, – говорит Рыжий.

– Не поубивайте только друг дружку, – поддевает их некромант.

– Мы с Аресом поладили еще вчера, – отмахивается ведун.

– Я их провожу и вернусь. Ты идешь? – спрашивает у него светлый.

– Не, лучше здесь посижу. Мало ли что Гейл на дверь подвесила, а я еще от вчерашнего не отошел, – с опаской косится на выход Рыжий. – Ни чешуи, не эктоплазмы!

– К йархам! – нестройным хором отвечаем.

Утро солнечное, но прохладное. У подножия статуи Хрюстона толпятся адепты. Народу много. Здесь и счастливики, которым предстоит испытание, и те, кто пришел их проводить. А еще деканы всех факультетов с невозмутимой мистресс Войси-Лауди во главе. Скольжу по ним равнодушным взглядом, сухо отвечая на приветствия.

– Эй, Дарро? А ты что здесь делаешь? – это Ульрик Горн. – Разве тебя не вышвырнули из высшей лиги?

– Меня – да, а мою невесту – нет. Она в нашей паре красивая и умная, а я только красивый, – Арес мгновенно переключается в режим «адепт-боевик» и хищно скалится в ответ типичной «боевической» улыбкой.

В том, что светлomu Горн на один зуб, я даже не сомневаюсь. Совместная работа над артефактом показала, какой Арес искусный маг, знания его разнообразны и обширны. Они не упираются во что-то одно. А ведь наедине со мной он совсем не такой, как с другими адептами. Даже с друзьями, стоит вспомнить их перепалки с Рыжим.

Интересно, может, боевики на деле нормальные парни, когда друг перед другом не рисуются?

К нам подходит Люсиль Берки. Она одета в элегантный белый брючный костюм. Интересно, это она в знак верности императорскому дому так вырядилась? Привычные кудряшки куда-то подевались, вместо них на плечи ниспадают мягкие волны. Легкий магияж придает лицу свежести. В отличие от обычной косметики, он почти незаметен. Не краска, тонкая иллюзия, безвредная для кожи. Даже если Люсиль не спала всю эту ночь, по ней и не скажешь. Один минус: артефакты для магияжа стоят недешево и требуют определенного таланта в обращении.

Блондинка Номер Один приветливо здоровается с нами и встает рядом. По толпе проносятся шепотки, на нас косятся, но ничего не спрашивают. Люсиль бросает ровно один взгляд на Гаса и больше ничем не выдает своей симпатии к некроманту. Ни намек на то, что их связывают какие-то отношения.

Меня отвлекает легкое покалывание в запястье, а вскоре у всех помеченных выпускников песочные часы на запястьях вспыхивают золотом. В тот же миг ворота академии распахиваются, и в них один за другим степенно втекают длинные черные магикары с песочными часами на борту. Яркое солнце блестит на округлых лаковых боках и нестерпимо слепит, отражаясь от хромированных ручек и крыльев.

– Ирис, – Арес разворачивает меня к себе. – Если что-то пойдет не так, я приду за тобой. Помни об этом.

– Спасибо.

Наши взгляды встречаются, и вдруг светлый порывисто притягивает меня к себе, целуя прямо в губы.

Глава 4. Испытание для каждого

Раадрим. Академия Шан-Дарах

Аресса́ндро Дарро́ Вэлло́р, правитель Фриденвелта

Я наблюдал за Ирис и думал, как же так вышло, что за короткое время эта девушка стала мне настолько дорога? Она ведь против воли выдернула меня из родного мира, покусилась на мою свободу, насильно привязав к себе древними брачными узами, и нарушила все мои планы, вынудив вернуться в Раадрим.

Ее мир не такой, как мой. Здесь магия имеет терпко-пряный вкус и пьянит похлеще крепленого вина. Я чужой в Раадрими и вынужден притворяться кем-то другим. Мне не будут здесь рады, если узнают, кто я такой на самом деле. И я их понимаю, болотный червь меня проглотит! Но... Я счастлив.

Действительно, давно я не чувствовал себя таким цельным. Словно обрел то, о чем грезил с самого детства – с тех самых пор, как остался без родителей. А теперь у меня будто появилась семья.

Совсем недавно я искренне считал, что мой удел – Фриденвелт. Моя земля и люди, признавшие меня господином. Вот то, ради чего я живу, и так будет всегда.

Когда-то еще была Лалла, мы нежно любили друг друга, как только можно любить впервые. Мы мечтали, строили совместные планы, фантазировали о том, как состаримся вместе...

С тех пор как Лаллу погубил предатель, мое сердце окаменело. В нем больше не осталось места для чувств, слишком много их было тогда. Слишком тяжело оказалось с ними справиться. Слишком болезненно и разрушительно для меня все закончилось, я едва выплыл из этой губительной трясины. Я даже не мечтал о новых отношениях, но в моей жизни внезапно появилась дайири. Ею, сама того не желая и не подозревая, стала Ирис Кроу – адептка магической академии из другого мира.

Дайири – идеальная пара. Крылья для огнекрылого. Так говорят древние тексты, но только теперь я понимаю истинное значение этого выражения. Само ее существование меня вдохновляет, заставляет задумываться о будущем, подталкивает к свершениям. И я уже предвкушаю изменения, которые ждут ослабленный предателем Фриденвелт и... мою личную жизнь.

Довольно думать о войне, она в прошлом. Пора позаботиться о мире и процветании, о собственной семье. Я сделаю так, чтобы ни одна сволочь больше не вздумала покуситься ни на мое королевство, ни на моих близких.

Ирис... Пока она ничего не знает обо мне, не хочу шокировать ее своим высоким положением. Всему свое время. Пусть полюбит не Арессандро Дарро Вэллора – законного правителя Фриденвелта и прилегающих земель, да еще и огнекрылого, а простого адепта Ареса Дарро. Так ей будет проще меня принять таким, какой я есть.

Ирис умная и целеустремленная девушка, из нее выйдет замечательная королева, я уверен. Отличница и скромница, но иногда это играет против нее самой. Порой она слишком много думает. Может додуматься до того, что она мне не пара, что простая баронесса не годится в королевы. Начнет нарочно дурить, а ночами лить слезы в подушку. Так было и с Лаллой, не хочу, чтобы с Ирис случилось что-то подобное, поэтому признаюсь ей, когда уже будет поздно идти на попятную. Тогда она не натворит глупостей.

«Да! Я – само коварство!» – усмехнулся мысленно.

Нечестно поступаешь, Арес. Дал девушке выбор, но не желаешь, чтобы она выбрала кого-то кроме тебя? Есть такое. До сих пор чувствую ревность и желание выкинуть в окно Бледного, когда парень крутится рядом.

Что ж, я достаточно терпелив и великодушен. Готов подождать. Меня не расстроило, что Ирис не ответила на мое предложение сразу. Слишком много забот свалилось на хрупкие девичьи плечи. Вдобавок она боится императора и не хочет, чтобы он залез ей в голову и узнал обо мне. Только вот она упускает одну деталь: ни один менталист не сможет этого сделать. Если ее блок грубо взломать, от наглой призывательницы ничего не останется.

Интересно, кто и зачем поставил столь оригинальную защиту? Это еще предстоит выяснить. Наши отношения еще слишком свежи. Они, как едва пробившийся сквозь землю росток чертополоха. Побег совсем маленький, но корни уже крепко держат его и питают, и скоро он превратится в сильное и выносливое растение, которому не страшны никакие невзгоды. А затем расцветет, пусть если и не самыми пышными и красивыми цветами, то самыми дорогими сердцу.

Впервые в жизни я задумался о детях.

Кто будет первым? Мальчик? Или маленькая принцесса с непослушными черными волосами и огромными, как у мамы, глазами необычного цвета?

Мне вдруг вспомнилась Ирис в тот вечер, когда я сделал ей предложение. В маленьком черном платье, открывающем худенькие плечи и острые коленки, она не могла похвастаться пышностью форм, но была в тот миг для меня самой желанной из женщин. Смеялась, шутила, рассказывала о себе, и я чувствовал, как ухожу в нее все глубже, срастаюсь душой. Начинаю думать, что знал ее всегда...

Поддавшись порыву, притянул Ирис к себе и поцеловал. Мне это было жизненно необходимо. Прямо здесь и сейчас на глазах у адептов и преподавателей. У всех. Я целовал ее так, словно мы уже стояли у алтаря Раэссы.

Она моя и только моя!

Рейдл на груди отозвался теплом. Запульсировал, подтверждая правильность моих действий. Требуя обрубить все пути к отступлению и завершить ритуал. Я был готов плюнуть на все и перенести нас куда-нибудь в красивое и уединенное место, где я мог бы ее долго и неспешно соблазнять, но она не ответила на мой поцелуй...

Ирис словно превратилась в мраморную статую, и это меня отрезвило. Отстранившись, наткнулся на расстроенный взгляд и испытал неловкость. Я ее смутил своим порывом или даже напугал?

Вот же дурак! Для себя все решил и успокоился?

– Прости, родная, – погладил дайири по щеке. – Иногда мне очень сложно сдерживать себя рядом с тобой.

Образ Ирис в одном полотенце на голове не покидал мои мысли, то и дело вставая перед глазами. В тот самый первый миг мои штаны как-то резко убавили в размере, и даже почудилось, что жалобно скрипнула плотная кожа, из которой они были сделаны. В тот самый миг от решительных действий меня удержало лишь одно – ее удрученное состояние. Ирис не планировала меня соблазнять. Это не было хитрым маневром или женской уловкой. Ее дезориентировало горе. Такое, что мне самому стало больно и жалко нахального темного духа.

Вот что она сейчас испытывает на самом деле, а я с поцелуями лезу, придурок!

– Ничего, ты ведь уже объявил всем, что я твоя невеста. Вряд ли они смогут о нас плохо подумать, – Ирис изобразила натянутую улыбку, от которой у меня онемело сердце.

– Прости...

Дайири едва заметно кивнула, затем мотнула головой. Кажется, она хотела заплакать, и это было бы правильно, но проклятая «Спокуха» не позволила слезам пролиться, ее глаза остались сухими. Лишь лихорадочный блеск вишневых зрачков выдавал сдерживаемые чувства. Жаль, что в свое время я не догадался что-то подобное использовать. Может, тогда и не грохнул бы сгоряча Гарлифа...

– Удачи, дайири. Пусть все сложится, как должно, – пожелал от всего сердца.

Это только ее битва, и я не имею права вмешиваться.

– Спасибо, Арес, – Ирис едва заметно запнулась, словно хотела добавить что-то еще, но передумала.

Девичья ладошка чуть стиснула мне пальцы, и Ирис вместе со своими друзьями направилась к первому в очереди черных магикаров. Перед распахнутой дверцей дайири обернулась и бросила долгий нечитаемый взгляд в мою сторону, который я так и не смог расшифровать. Сердце неприятно ёкнуло.

Не хочу ее отпускать! Не могу не отпустить... Слишком хорошо знаю, что такое долг.

После того как проводили «счастливиц», мистресс Войси-Лауди собрала присутствующих и объявила общий сбор через час, велев адептам разойтись и заняться делами: сдать учебники в библиотеку и артефакты в хранилище академии. Должникам, закрыть долги – на это и отводилась последняя неделя. Тем, кто готов съехать, освободить комнаты и сдать их кастеляну.

Войси-Лауди собрала целую свиту из деканов и преподавателей, наверное, надеясь, что прибудет кто-то важный. Но во дворце ее проигнорировали, прислав лишь магикары. Как же мне все-таки нравится эта идея с местным транспортом! Обязательно внедрю у себя что-то подобное.

Распустив адептов и свиту, Войси-Лауди сошла с трибуны. Ее прикрытые темными очками глаза тут же зацепились за меня взглядом.

– Адепт Дарро, как ваши успехи? – поинтересовалась ректорша, и в ее пальцах что-то хрустнуло.

Суставы? Терпеть не могу эту дурацкую привычку!

Но пряный запах концентрированной раадримской магии, окутавшей нас плотным облаком, намекнул, что дело совсем не в этом.

– Визуальная и звуковая иллюзия, – пояснила Войси-Лауди. – Теперь никто и не догадается, о чем мы беседуем.

Она увлекла меня в маленький сквер, разбитый по правую сторону от статуи местного хранителя – того самого Хрюстона. Остановившись прямо на дорожке, положила руку мне на грудь и погладила, удовлетворенно хмыкнув.

Это что еще такое?!

Ошарашенный столь откровенным поведением мистресс Войси-Лауди, как бы невзначай отодвинулся на полшага.

– Кхм... Вы желаете знать, как обстоят дела с моим заданием?

Нужно вести беседу правдоподобно, но себя не выдать. Сложнее было сдержаться и не отбросить навязчивую даму подальше, точно гигантского болотного слизня. Непростая предстоит задача.

– Не переживайте так, Дарро. Для остальных мы просто чинно беседуем, – по-своему поняла мою заминку ректорша. – Неужели вам незнакомо действие «Прикрытия»? Я удивлена, – Войси-Лауди сняла темные очки, убрав их в карман мундира.

Кожаный наряд обтягивал ее так плотно, что, казалось, вот-вот треснет на выдающихся формах. И почему при взгляде на эту женщину у меня возникают мысли об айосанрийских борделях?

Самому там бывать не доводилось, но от гвардейцев всякого наслушался. Особенно от того самого, что любит веселить всех рассказами о женских романах. Ох, он и развратник! Троль наполовину, но девки его любят, страсть! Так вот он рассказывал такое: якобы есть там специальные комнаты, куда клиента запирают, а специальные куртизанки, в кожаные одежды наряженные, до утра его чем ни попадя по разным местам охаживают. Тот гвардеец все мечтал там побывать и попробовать, как это? Понять, в чем же радость? Над ним за это смеялись всем полком, предлагая свою помощь, но он отшучивался весьма неприлично.

Я опасливо покосился на хлыст, висевший на поясе у Войси-Лауди, заподозрив ее в подобных пристрастиях. И тут мои мысли перескочили в иное русло: «А не тот ли это хлыст, что использовал мальчишка, чтобы подчинить фарреха на арене?»

Пока думал, как бы выяснить это невзначай, наткнулся на плотоядную улыбку ректорши. Она откровенно разглядывала мои губы, и я на миг растерялся. В ответ на мое невольное внимание, Войси-Лауди облизнулась напоказ.

Клянусь Раэссой, впервые в жизни мне настолько неловко рядом с женщиной! Наверное, так же себя чувствует невинная девушка, когда чересчур навязчивый поклонник неожиданно переходит грань приличия, а тебе и сбежать толком некуда.

Вид озабоченной самки, убежденной в собственной неотразимости, вызывал во мне безразличие и желание малодушно ретироваться. Так паршиво не было даже в таверне после битвы под Хлябью. Тогда я лежал раненый, а ко мне пробралась дочка тавернщика. Девушка решила, что самое время оказать господину милость, подарив невинность. Мягко говоря, она была не в моем вкусе, и пришлось притвориться, что я едва ли не при смерти.

Мысленно передернулся, вспомнив ширину плеч «красавицы», двухметровый рост, «соблазнительный» басок и бюст такого размера, от которого тролль-гвардеец пришел бы в полный экстаз. В тот же день я снова начал ходить и даже научился весьма прилично бегать.

Так вот, мистресс Войси-Лауди была хуже. Намного. При всех ее довольно привлекательных внешних данных, она вызывала у меня иррациональное омерзение.

Поставить ее на место и уйти? Что я в конце-то концов теряю?

Но интуиция подсказывала: у меня большие шансы узнать что-нибудь важное, поэтому стоит потерпеть домогательства еще минуту-другую.

– С заданием вы отлично справляетесь, адепт Дарро, – мурлыкала ректорша столь интимным тоном, что у всех фелисов в округе, должно быть, начался март. – Этот ваш поцелуй... Признаться, я даже слегка позавидовала малышке Кроу.

А от уничижительного тона, которым она назвала Ирис, захотелось рыкнуть: «Руки прочь от моей дайири! И поганый язык тоже!»

Многозначительно смолчал, надеясь, что женщина сама все расскажет, а заодно даст намек. Ведь пока я так и не понял, с кем именно она меня перепутала.

– Объект весьма осторожен. Заподозрил неладное и в последний момент изменил планы, – бедро ректорши прижалось к моему, рука клещом вцепилась в мой локоть.

Стиснув зубы, продолжил делать вид, что мы прогуливаемся. Ей-ей, вернусь в общежитие, запрусь в душе и поплачу!

– Прошлой ночью ваши конкуренты пытались выполнить задание, но проиграли, – не разочаровала меня Войси-Лауди. – Каким-то невероятным образом объект умудрился спастись, а исполнители...

– Что с исполнителями?

– Скажем, плату они уже не получают, так что вам следует быть осторожнее. Уверены, что вашей квалификации хватит, Дарро?

Уставился на ректоршу в упор. О ком она сейчас говорит? Что еще за «объект?» Какие конкуренты?

– Вы наняли кого-то еще? – задал вопрос, который показался мне наиболее нейтральным.

– Ох, Дарро! У вас сейчас такой взгляд... Теперь верю, что вы опасны, как спрятанный в рукаве стилет. Как искра, которая может спалить целый город. Уверена, окажись вы на месте тех неудачников вчера, и все завершилось бы совершенно иначе. У вас точно все получится.

– Давайте без ненужных реверансов, Войси-Лауди, – сменил я тон, прекратив притворяться покладистым. – Какие у вас планы? Я должен знать, чтобы координировать свои действия.

– Ох... – едва ли не простонала ректорша. – От вашего голоса я покрываюсь мурашками, – она томно изогнулась, пытаясь коснуться меня бюстом, но я успел отступить, избежав столь сомнительной радости.

Молча перехватил ее запястье и отвел в сторону, когда она сделала попытку погладить меня по щеке.

– Дело, Войси-Лауди! Какова моя задача в новых обстоятельствах?

Возможно, я совершал ошибку, разговаривая с ректоршей в таком тоне, но оказалось, это лишь ее заводит. А мне нужно прояснить ситуацию, хотя кое-что я уже и так понял.

– Пока просто ждем. Нужно успокоить объект, дать ему расслабиться и почувствовать себя в безопасности, тогда мы нанесем новый удар, – Войси-Лауди смотрела внимательно и пытливо.

– Понял. Что по Ирис Кроу?

– Продолжайте в том же духе, Дарро. Девчонка все еще нужна нам.

Для чего? Для чего вам сдалась Ирис?

Хотелось встряхнуть Войси-Лауди за грудки, но что-то подсказывало, что она – лишь одно из звеньев в длинной цепочке, и отнюдь не главное. Следовало работать тоньше. Пока она моя единственная ниточка в этом темном деле.

Нас отвлек один из магистров. Попрошавшись, ректор удалилась, изобразив звонкий поцелуй своими ярко напмаженными губами, отчего меня внутренне передернуло.

Расставшись с Войси-Лауди, вернулся в блок девушек, где, развалившись на диване в гостиной, ждал рыжеволосый артефактор. Приветственно кивнув мне, он поинтересовался:

– Как все прошло, Дарро? Ты выглядишь так, словно тебе ботинки жмут.

– Так себе, – хмуро взглянул я на него.

Зубоскалить совершенно не было настроения.

– Слушай, ты это... Извини, если я тебя задел когда-нибудь. Я порой лишнего болтаю. А ты по итогам нормальный мужик оказался, хоть и светлый.

Я кивнул. Мне не нужны были его извинения. В конце концов, ничего такого парень мне не сделал, но теперь, когда мы остались вдвоем, я заметил, как он робеет в моем присутствии, и хотел успокоить.

– Переживаешь за нее? – сочувственно поинтересовался Жак, меняя тему. – Я тоже. И за Ирис, и за Гейл... – он так тяжело вздохнул, что я сразу понял, ведуну было бы проще быть там, с ними рядом.

– А как так вышло, что ты отбился от своей компании гениев? Держу пари, ты там любому фору дашь, – подбодрил я неплохого, хоть и чрезмерно болтливую артефактора.

– Ты действительно так считаешь, Дарро? – он даже вскинулся, словно моя похвала дала ему надежду.

Я кивнул, и чтобы как-то поддержать разговор, поинтересовался:

– После того, что ты сделал вчера, ты больше других заслуживаешь быть там вместе с ними. Как же вышло, что ты в полете?

– Подвела самоуверенность, – вздохнул тот. – Засыпался, как первокурсник какой-нибудь, не проверил оборудование перед работой. Стой... – он вдруг поднял на меня ошарашенный взгляд. – Нет! Я же проверял... Арес, я проверял! Я всегда все проверяю перед тем, как начать что-нибудь делать. Ведь любая случайность: недомытая посуда, скол на камне, волос в зелье – все может повлиять на результат. Просто я так привык это делать, что даже сознание не включаю. Представляешь, иногда забываю, сделал ли проверку, и проверяю все по второму кругу.

– Ты очень внимательно относишься ко всему, что используешь. Я заметил, – подтвердил я то, в чем имел возможность убедиться лично.

Во время работы рыжий балагур полностью менялся. Был внимательным, дотошным и собранным даже с повернутой задом наперед головой. А то, как он забраковал наши с Ирис приобретения? Я было подумал, что он нарочно издевается, набивая себе цену, но нет. Жак терпеливо пояснял, что не так, в чем заключалась наша ошибка, и к каким последствиям могла привести.

– Даманн, а у тебя, случаем, нет недоброжелателей среди одноклассников? Может, ты кому-то отказал в помощи или словом задел? Или девушка тебе открылась в чувствах, а ты проигнорировал? Мог ли кто-нибудь затаить обиду?

Надо было видеть, как сменялись эмоции на веснушчатом лице парня. Жак медленно поднялся, глядя на меня как на пророка. Словно я откровения выдавал одно за другим.

– Ты долбаный гений, Дарро! Меня же подставили! И как я только сразу не сообразил!

– Переволновался, наверное?

– Именно! Я был настолько поглощен желанием сделать что-нибудь из ряда вон. Поразить комиссию. Хотел, чтобы меня заметили. Чтобы ахнули. Я так хотел всем доказать, что достоин Гейл Мандрейдж...

Рыжий прервался, вдруг смутившись.

– Ты определенно достоин Гейл, как и любой другой девушки, – снова поддержал я его. – Но ты уверен, что такие «головокружительные» отношения то, что тебе действительно необходимо? Поначалу, возможно, и придает пикантности, но каково придется в семейной жизни?

Я едва не рассмеялся, вспоминая вчерашние «временные неудобства», свалившиеся на вихрастую голову ведуна в прямом смысле.

– Гейл для меня – все, Дарро. Я без нее не смогу. Да я жизнь за нее отдам, если понадобится! Не пожалею. Знал бы ты, какая она ласковая и внимательная, когда что-нибудь эдакое вытворит... – добавил он невпопад, и его глаза затагнула романтическая поволока.

Я только покачал головой, вспоминая себя в его возрасте.

Время за разговорами пролетело незаметно, и стрелки часов показали, что до общего собрания осталось десять минут.

– На собрание идешь? – поинтересовался я.

– Нечего там делать. Вряд ли услышим что-то новое, выпускников поздравят с окончанием учебы, объявят дату и место выдачи дипломов и еще что-нибудь насчет бала расскажут. Наверное, можно будет подать заявки в аспирантуру и, если требуется, распределение на практику получить. Это для тех, кто еще не подыскал себе место.

Подумав, я решил, что и мне там тоже делать нечего. Распределение на практику мне не нужно, а диплом все равно не дадут. Ха-ха. Хотя... Может, пойти и выпросить его у Войси-Лауди, ради забавы? Привезти как сувенир домой?

Перед глазами тут же замелькали неприличные картинки, демонстрируя, что именно от меня потребует Войси-Лауди за это. Брр!

Ведун вдруг посмотрел на меня серьезно:

– Слушай, Дарро, а как так вышло, что тебя перед выпускными экзаменами по обмену приняли? Ты же в итоге и не учился вовсе? И откуда у тебя взялись документы, ты же светлый? – он осекся на полуслове, и его лицо приняло настороженное выражение.

– Очень правильный вопрос, Даманн, – ответил я с кривой усмешкой. – Вот и мне тоже интересно, с кем меня спутала ваша мистресс ректор.

Вкратце я рассказал Рыжему о том, как радушно меня принимает местное руководство. Умолчал только о том, что мне было поручено войти в близкий контакт с Ирис.

– Дарро, здесь плохо пахнет! – Жак заметался по комнате. – Стерва мне с первого дня не понравилась, как появилась в нашей академии. Это же... Это же чистой воды какой-то заговор. Прежний ректор был старым добряком, витавшим в облаках, жизнерадостным, хоть и со странностями. Постоянно повторял, что умрет прямо в ректорском кресле, но неожиданно

ушел на пенсию и тихо угас в собственной постели в течение нескольких дней. А эта... Одним словом – стерва. Это же... Это же чистой воды какой-то заговор.

– Да уж, странная она женщина.

– Не то слово! Предпочитает демонические сущности. Чего только один ее фамильяр стоит! Вот скажи, зачем бабе живой фаррех? Их призывают для боя, но с кем она бьется?

– Та зверюга и мистресс ректор отлично смотрятся вместе, – ухмыльнулся я.

– А еще она не гнушается вызывать к себе адептов и... – Рыжий осекся, поняв, что несколько отклонился от темы. – В общем, мне кажется, Войси-Лауди точно в чем-то замешана.

– Угу, в чем-то с очень плохим запахом, – согласился с ним я.

– Ты же не думаешь, что все это имеет какое-то отношение к проверке во дворце?

И тут мозаика сложилось.

«Прошлой ночью ваши конкуренты пытались выполнить задание, но проиграли», – вспомнил я сказанное Войси-Лауди.

Что такого случилось прошлой ночью?

А случилась Ирис, которая плакала от боли и звала на помощь.

Императорская метка со страшной силой тянула светлую энергию из установленной мной на комнату защиты, причиняя боль моей дайири. Я поспешил вынести Ирис из комнаты, но и это не помогло. Проклятые песочные часы на ее запястье тут же перестроились и принялись тянуть темную энергию, преобразовывая ее в светлую. Пришлось взять роль преобразователя на себя, только так удалось облегчить страдания.

В тот самый миг, когда я прикоснулся к метке, почувствовал отголоски сражения. Это походило на неясные картинки, промелькнувшие в чужом сознании за мгновение до того, как оно заблокировалось.

Кто-то дрался не на жизнь, а насмерть, используя светлую магию. Но кто?

Ответ был как на ладони – тот, кто знал, на что способна на самом деле метка с песочными часами. Тот, кто ее поставил: Ридрих Ронн Первый. Кто же еще?

Глава 5. Опасная безопасность

*Раадрим. Столица Тенидара. Императорский дворец
Ирис Кроу, адепта*

Императорские магикиры движутся намного быстрее обычных, в их сердцах заключены куда более мощные сущности, чем те, что используются в городском транспорте. Ненадолго отвлекаясь, изучая сущность, что приводит в движение роскошный черный магикар и несет его на приличной скорости по дороге. Осторожно тянусь к ней, едва заметно касаясь ауры, чтобы не нарушить настройки отлаженного процесса.

Пожалуй, единственное, что не может заблокировать «Спокуха», так это мое извечное любопытство.

Удивительно, но это разновидность воздушного духа! Но как же удалось его покорить и заставить служить на благо? Создания воздуха, в отличие от огненных, куда более свободолюбивы. В тесноте и заточении они быстро теряют силы и волю к жизни. Надо будет поинтересоваться этим вопросом на досуге и изучить устройство магикаров разных моделей.

– Приехали! – выдыхает приникшая к окну Люсиль.

Снаружи оно непроницаемо-черное, зато изнутри все видно отлично.

Первым из магикара выходит Гас и подает руку сначала Люсиль, затем Гейл, а после и мне. Выбравшись наружу, принимаюсь осматриваться.

Мы на обширном подъездном дворе с каретным кругом, где выстроились друг за другом доставившие нас магикары. Повсюду красиво постриженные фигурные деревья, цветочные клумбы и ажурные легкие постройки – все, словно сошло со страниц красочного журнала о ландшафтном дизайне. Но я отмечаю и другое – охрану.

Сколько же повсюду охраны!

На виду прохаживаются тройки и пары гвардейцев с оружием. Фонят магией и едва уловимо гудят заряженные под завязку артефакты в стенах дворца и элементах декора. Среди стражи присутствуют призыватели с боевыми фамильярами самых различных видов. Существа чутко водят носами, шевелят щупальцами и ушами всевозможных форм и размеров. Порыкивают, подвывают, похрюкивают и сдержанно издают прочие характерные звуки.

– Мамочки! Я как будто листаю справочник экзотических существ, – нервно усмехается Люсиль.

Некоторые адепты заметно бледнеют и инстинктивно жмутся друг к другу.

– Не нравится мне это, – бурчит Гас. – Такое чувство, будто ввели военное положение. Наверное, что-то произошло.

– Может, мы? – предполагаю я.

– Не думаю, что это из-за нас, но Гас прав. Я часто здесь бываю, но впервые вижу столько охраны на один квадратный метр, – подтверждает слова некроманта Гейл.

Тем временем мое внимание привлекает фамильяр одного из призывателей. Зарихостр – очень редкая особь. Не собираюсь упускать шанс разглядеть его поближе. Почему бы и нет, раз представилась такая возможность?

– Здравствуйте! Разрешите поинтересоваться, это у вас зарихостр ядовитый?

– Эмм... да, леди, – обладатель хищного вида сухопутной шипасто-клыкастой рыбины размером со средний магикар удивленно кивает.

– А можно посчитать его конусовидные зубы? Справочники Мойзела и Перисабалы в этом вопросе расходятся, а мне хотелось бы знать наверняка.

– П-пожалуйста, – заинтриговано разрешает немолодой уже мужчина, и в его глазах отражается неподдельный интерес.

– Они точно ядовитые? – мой палец застывает в считанных сантиметрах от одного из острых клыков.

– Даже не сомневайтесь! – владелец зарихостра откровенно веселится.

Я и не сомневаюсь. Ни в седоусом призывателе, чем-то вызвавшим мою симпатию, ни в полной покорности опасного существа хозяину. Смело перегибаюсь через нижнюю челюсть, выступающую сильно вперед, и, придерживаясь за один из длиннющих клыков, считаю ядовитые зубы в третьем ряду.

– Один, два... Ха! Девять! – восклицаю победно.

Позади раздается какой-то сдавленный звук.

– Все-таки нечетное количество, – убедившись в правоте Перисабаля, вынырываю из пасти рыбины.

Прямо перед моим лицом плавно раскачивается огонек на длинном тонком отростке, растущем на лбу зарихостра. Не удержавшись, касаюсь его кончиком указательного пальца.

– Холодный! – мои слова звучат совсем без эмоций, как бывает у Гейл, но все равно эмоции угадываются. Где-то глубоко внутри я в полном восторге от этого открытия и от того, что вижу столь редкое существо собственными глазами. – Скажите, при помощи какой схемы вы призывали зарихостра? Разновидность гексаграммы или комбинация квадрат-треугольник?

– Второе, – призыватель улыбается во все усы.

У меня остаются еще кое-какие вопросы, но я не успеваю их задать, так как нас прерывают весьма невежливым образом – ухватив за предплечье, меня, точно маленького ребенка, тянут прочь. Да так, что я успеваю прочувствовать в этом действии воспитательный момент, пока суматошно перебираю ногами, пытаюсь не споткнуться и поспеть за тем, кто меня тащит.

Зарихостр реагирует на резкое движение и, издав звук высокой частоты, неожиданно плюет нам вслед! От ядовитого плевок нас спасает только магический щит, поставленный его хозяином. Видно, что ему это не впервой.

– Госпожа Кроу! Я за вас головой отвечаю, не стоит подвергать себя такому риску! – недовольно шипит, брызгая слюной похлеще того самого зарихостра, незнакомый мне мужчина в ливрее с символикой дома Роннов.

Жалею, что не так ловка, как хозяин зарихостра и не успела отгородиться от пищеварительной жидкости, щедро распространяемой недовольным мужчиной. Высвободившись из его хватки, отступаю. Едва сдерживая желание вытереться рукавом, мерю его возмущенным взглядом.

– Можно было просто сказать, а не отрывать мне руку!

Моему «спасителю» на вид слегка за сорок. У него небольшие залысины и вытянутое от природы лицо с кислым выражением. Глаза навывкате глядят неодобрительно. Неприятный тип!

Он продолжает меня отчитывать, но осекается на полуслове и опускает взгляд на свои сапоги. На лаковой коже, прямо на пятке, образовалась большая проплешина. Похоже, призыватель все-таки слегка запоздал со щитом, и капля яда достигла цели. Еще не дыра, но и носить эту обувь больше не придется. Понимает это и хозяин сапог, издавший невнятный писк от досады.

А ведь это из-за меня. Нехорошо получилось.

– Простите.

Хоть и неприятный мужик, но все же он полагал, что меня спасает, и пострадал материально. Может, это были его любимые сапоги?

Неприятно качнув головой в ответ, мужчина направляется к остальным адептам, ожидающим у широченного крыльца с пологими ступенями.

– Здесь, надеюсь, все? – тип многозначительно осматривается по сторонам.

– Все, – подтверждает нестройный хор голосов.

– Меня зовут Матеус Вирр, можете обращаться ко мне господин Вирр. Я здесь для того, чтобы сопроводить вас на испытание. Понимаю, не все осведомлены о правилах поведения во дворце, – он многозначительно косится на меня. – Но я помогу вам сориентироваться. Держитесь вместе, не отставайте и внимательно слушайте мои рекомендации, тогда никто не попадет в беду.

– Господин Вирр, – обращается к нему Гейл, и мужчина вздрагивает. – Что-то случилось? Почему сегодня во дворце так много охраны?

– Леди Мандрейдж, – тут же с раболепным придыханием склоняется перед проклятийницей наш провожатый. – Простите, но я не уполномочен это обсуждать...

– Матеус? – тянет Гейл, будто невзначай взглянув на него поверх своих защитных очков. Мужчина едва ли не на глазах покрывается бисеринками пота, достает белоснежный платок и вытирает лоб.

– Л-леди Мандрейдж, имел место небольшой инцидент, но сейчас служба безопасности все уладила. Пожалуйста, не отвлекайтесь и следуйте моим рекомендациям.

Всем видом демонстрируя, что больше объяснять ничего не намерен, и одновременно отчаянно трусая, господин Вирр замолкает. Но я вижу, как подрагивают его пальцы, как он нервно комкает в кулаке шелковый платок.

– Да не тряситесь вы так, Матеус. Не съем я вас, – усмехается моя подруга и по-королевски дозволяет: – Ведите.

Вирр кивает и чинно шагает по лестнице к главному входу.

Гейл, Гас с Берки и я первыми следуем за ним. Для многих адептов, как и для меня, это первый в жизни визит во дворец, поэтому ребята вертят головами и обсуждают вполголоса увиденное. Но не все разговоры посвящены интерьерам. То и дело звучат предположения о предстоящих испытаниях.

Преодолев просторный холл, украшенный растениями в белых кадках и живописными видами Тенидара на подлинных полотнах известных художников, мы втягиваемся в узкий коридор, где свободно можно передвигаться только парами. Здесь нет ни окон, ни дверей, да и с освещением полная беда. Пара тусклых светильников разве что позволяют не споткнуться и не наступить впереди идущему на пятки.

Одoleвает гнетущее чувство, словно стены давят, и хочется побыстрее отсюда выбраться. К счастью, коридор совсем короткий, и вскоре мы выходим в просторную комнату с зашторенными окнами. Освещается она лишь сиянием, исходящим из овальной рамы, установленной по центру помещения. Точно зеркало, рама затянута пленкой ядовито-зеленого сияния, по поверхности которой бесконечно расходятся концентрические круги.

– Ой! – фальцетом пищит один из боевиков: здоровенный и крепкий, тот самый Луардэ, что восхищался моей выдержкой, когда император нам метку ставил.

Прижав ко рту руки, парень принимается беспорядочно метаться, расталкивая адептов, а после даже пытается выскочить обратно, но ему не дают.

У дверей, из которых мы появились, изваяниями стоят два дюжих охранника – опытные боевые маги. Ноги на ширине плеч, руки за спиной. Черная кожаная форма императорской охраны, ножны с мечами на боку. А короткие стрижки и невозмутимое выражение лиц делает их едва ли не близнецами.

Один подхватывает Луардэ под руку и тянет куда-то в сторону, в темный закуток. Следом за ним устремляется и наш провожатый, господин Вирр. Охранник сразу же возвращается на свое место и снова превращается в изваяние, а из закутка до нашего слуха доносятся приглушенные звуки, с которыми обычно опустошают желудок. Им вторят сдавленные ругательства. Вскоре Луардэ и Вирр возвращаются. Первый – смущенный, а второй еще более недовольный, чем раньше.

– Повнимательнее, господин Луардэ, – вполголоса отчитывает его наш провожатый. – В следующий раз сразу сообщайте обо всем, что с вами происходит.

– Извините, – виновато бурчит боевик и прячет глаза.

Брезгливо морща нос, господин Вирр протискивается вперед. Туда, где у контрольно-пропускной рамы терпеливо дожидаются два мага. Адепты-боевики обступают товарища, тихонько интересуясь, что произошло.

– Желудок подвел, – даже шепотом Луардэ басит так, что его прекрасно слышно. – Пока коридор этот треклятый проходил, дурно стало, словно кутил вчера до самого утра без остановки, – оправдывается боевик. – Это от волнения, со мной такое бывает. Вот помню как-то на экзамене по...

– Это не от волнения, молодой человек, а из-за тонкого сканирования ауры, – поправляет его пожилой маг в форме службы безопасности дворца без знаков отличия.

Короткие, цвета соли с перцем, волосы аккуратно уложены, борода модно пострижена, а глаза лучатся улыбкой. Этаким добрый дяденька, но есть в нем что-то такое, что намекает: на одну ногу наступит, за другую дернет – и хана.

Чувствуют это и остальные адепты, потому как-то разом подбираются. Прекращаются смешки и разговоры. Даже Гейл поправляет очки, надвигая их поглубже на нос.

– Мы используем метод тройной проверки, – объясняет улыбчивый безопасник. – В этом коридоре вы прошли первый уровень. Не слишком приятная процедура, особенно если ранее вы ей не подвергались, – он понимающе улыбается Луардэ.

– И для чего это необходимо? Чтобы узнать, не пронесли ли мы что-то внутри организма? – простодушно интересуется боевик.

– Что вы! Но если подобное понадобится, у нас есть господин Майлз.

Безопасник улыбается худому как жердь магу, которого я только сейчас замечаю. Тот стоит в стороне, почти сливаясь со стеной. С нехорошей усмешкой он нам салютует, заставляя что-то внутри опасно сжиматься. Вот не хотела бы я, чтобы этот тип интересовался тем, что у меня внутри.

– Это место мы называем «коридором добрых намерений». Он позволяет определить дурные помыслы, – по-прежнему доброжелательно улыбается маг. – Любые негативные эмоции оставляют следы на ауре, вы же знаете об этом? – безопасник подходит ближе. – Так о чем вы думали, молодой человек, когда проходили коридор?

– Ни о чем! То есть, ни о чем таком... – звучит поспешно, а Луардэ как-то весь съеживается, словно стараясь занять поменьше места в пространстве, и делает полшага назад.

Некоторые адепты тоже инстинктивно отодвигаются.

Ох и аура у этого дядьки! Так и давит темной энергией. Некромант, что ли? Словно услышав, что я думаю о нем, маг задерживает взгляд на моей скромной персоне. Всего на мгновение, после чего продолжает объяснять:

– Сейчас вам предстоит пройти второй уровень проверки, и мы убедимся, что у вас с собой нет ничего запрещенного или опасного.

– А если найдете? – поднимает руку Эн Финч.

– Отнимем, – добродушно скалится маг.

– А что нас ждет сегодня на третьем уровне? – интересуется Гас, который, как и я, не реагирует на давящую ауру безопасника.

– То же самое, что и всегда, внук, – хищно скалится маг.

– Эмм... Этот маг – твой дедушка?! – спрашиваю шепотом.

Йархи! Мне и правда любопытно, хотя по моим интонациям этого не скажешь.

Гас отвечает мне едва заметным кивком.

– Я буду вызывать вас по одному. По команде вы проходите сквозь детектор. Если наш аналитик посчитает нужным, процедура повторяется. Все ясно? – объясняет безопасник порядок проведения досмотра.

С виду ничего сложного, но Люсиль находит и стискивает руку Гаса. Она чего-то опасается? Хочу поинтересоваться о тонкостях предстоящей процедуры у Гейл, но, к сожалению, подругу вызывают первой.

– Гас, мне что-то нужно знать?

Его родной дед работает целым начальником императорской безопасности, наверняка моему другу известно не меньше, чем проклятийнице.

– Да вроде бы нет. Если честно, я здесь редкий гость.

– Тебя не приглашают? – интересуется шепотом Берки.

– Почему же? Но по личным соображениям, я стараюсь избегать визитов, если только могу.

В это время проклятийница проходит к детектору. Снимает защитные очки и кладет их в специальный поддон на столе, за которым восседает молодой безопасник-артефактор. Жезл в его руках мягко сияет зеленью, когда он проверяет очки, после чего возвращает их владелице. Моя подруга проходит проверку с первого раза, и я расслабляюсь, решив, что процедура действительно простая, и не затянется надолго, но...

Оказывается, большинство адептов «очень хорошо подготовились». У каждого второго при проходе через магический детектор безопасники выявляют два-три подозрительных предмета, которые тут же экспроприируют.

Дождаясь своей очереди, я изучаю людей в помещении. В углу господин Вирр, то и дело недовольно косясь в спину Луардэ, ожесточенно трет платком штанину и многострадальные сапоги, брызгая на то и на другое какими-то резко пахнущими духами. Боевые маги у входа по-прежнему напоминают высеченные из камня статуи, а дед Гаса хитро улыбается, поглядывая на адептов, а те все больше волнуются.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что после такой психологической обработки, каждый следующий с большей вероятностью готов выложить запрещенку от греха подальше. Адепты, осознавшие, что смухлевать не выйдет, сдают все без разбора, чем сильно ускоряют проверку. Все равно отнятое нам пообещали вернуть, правда, с оговоркой: только если артефакт не представляет никакой опасности.

Где-то под толщей наведенного спокойствия я тоже переживаю: обнаружат мой спас-амулет, или все-таки нет? Однозначно обнаружат. Тут и сомневаться нечего, но с другой стороны, пока никого за попытку пронести с собой артефакты не выгнали. Значит, и меня не выгонят. Значит, и я попробую. Попытка не пытка.

На этом я почти успокаиваюсь, а затем вдруг вспоминаю о нашем с Аресом прощальном поцелуе. Признаться, я старательно пыталась избегать этих мыслей, пока была такая возможность.

Поцелуй выходит ужасным. Голова не кружится. Не стучит, заходясь в томлении сердце. Не сжимается сладко внутри. Утрата фамильяра перекрывает все прочие эмоции. Но еще обидней от понимания, что я могла бы все это почувствовать, но не чувствую! Невыносимо!

Светлый первым прерывает поцелуй, в его глазах огорчение и тревога, которые он прячет за грустной улыбкой.

Надеюсь, Арес на меня не обиделся...

От воспоминаний отвлекает ярко-розовая вспышка. Детектор реагирует на Люсиль Берки.

– Незначительное превышение всех показателей разом, – флегматично отмечает маг-аналитик.

- Госпожа Берки, поместите, пожалуйста, все имеющиеся артефакты в контейнер.
- Простите, господин Вирр, я не могу отдать вам *все* артефакты, которые взяла с собой.
- Почему?
- Это невозможно! – Блондинка Номер Один стремительно заливается краской.

Я оглядываюсь по сторонам и, оказывается, остались только мы четверо: Берки у рамки, я, Гас и Дайана Кранк, которая держится тихо и незаметно. Я едва ее узнаю без привычного вызывающего, почти сценического, макияжа, в простом черном пиджаке, брюках и с заплетенными в косу серебряными волосами.

Да мы же с ней вырядим, как темный и светлый близнецы! Совпадение кажется мне забавным, и я ободряюще улыбаюсь некромантке.

Люсиль все еще мнетса у детектора и строит безопасникам глазки, пытаюсь отшутиться.

– Госпожа Берки, – вздыхает дедушка Гаса, – вы же понимаете, что мы не можем допустить пронос запрещенных предметов. Выкладывайте все в контейнер или, будьте добры, покиньте дворец.

Кранк глядит на Люсиль с мрачным удовлетворением. С Гасом она демонстративно не общается. Похоже, поссорились? Ой! Неужели из-за Берки? Кто бы мог подумать! Хотя чего это я? В Тамбертона-Экрю не влюблялась только очень ленивая девушка, или та, которой вера не позволяет связываться с некромантом.

– Охрана, проводите, пожалуйста, госпожу Берки к выходу, – просит глава имперской безопасности, устав от уговоров.

Один из боевых магов отделяется от стены, у которой стоял.

– Ладно-ладно! Я согласна! – сдается Люсиль. – Только... Скажите, где здесь можно переодеться? И во что именно...

– Вам понадобится другая одежда? – с вежливым участием интересуется глава службы безопасности.

– Да, спасибо, – с достоинством кивает Люсиль, ни на кого не глядя.

По знаку безопасника господин Вирр, суетливо куда-то пропадает, а через мгновение возвращается с небольшим свертком, который протягивает Люсиль.

– Здесь одноразовая накидка, госпожа Берки.

– Вот, возьмите, – артефактор у стойки протягивает Люсиль пустой пакет, – Положите сюда артефакты и поместите пакет в контейнер.

– Благодарю, – чинно кивает блондинка, но ее вежливый тон никак не вяжется с каменным выражением лица.

– Я провожу, – Вирр ведет Люсиль в тот же самый закуток, где до нее побывал Луардэ. – Поторопитесь, госпожа Берки. Вы всех задерживаете.

Пока Люсиль избавляется от артефактов, проверку проходит Дайана Кранк. Она выкладывает на стол приличную горку каких-то сомнительного вида приспособлений, имеющих прямое отношение к ее виду магии.

– О! У вас внушительный арсенал, госпожа Кранк, – с уважением кивает дед Гаса. – К сожалению, я не могу вам позволить взять это с собой.

– Как скажете, – вздыхает некромантка и покорно проходит через раму детектора.

Поверхность магической пленки, сомкнувшись за ее спиной, остается ярко-зеленой.

– Хм, – безопасник насмешливо смотрит на внука.

Гас взгляда не отводит, лишь плотнее сжимает губы.

– Да как вы смеете! Оставьте меня в покое! – возмущенный крик Люсиль лезвием вспарывает пространство.

– Я должен убедиться...

Хлесь!

Смачный шлепок прерывает тираду господина Вирра. Матеус тут же появляется из закутка, прижимая к щеке ладонь. Следом фурией выскакивает Люсиль, кутаясь в серую накидку, которая укрывает ее до самых пяток. Разя наповал гневными взглядами, Блондинка Номер Один, не останавливаясь и не говоря ни слова, швыряет на стол пакет и направляется сквозь раму.

Розовая вспышка! Люсиль обреченно замирает и поднимает к потолку голову:

– Аррр!

– Госпожа Берки, при вас все еще остались запрещенные предметы. Пожалуйста, положите их в контейнер, – безопасник явно обладает безграничным терпением.

– Это. Просто. Моя. Одежда! На ней только заклятие вечной белоснежности! Оно никому не причинит вреда! – Люсиль уже едва не плачет.

– Госпожа Берки, требуется исключить любые подозрительные предметы, – дед Гаса непреклонен.

Едва сдерживая вспышку гнева, Люсиль поворачивается ко всем спиной. Судорожно двигаясь и пританцовывая, вытаскивает из-под накидки то, что на ней еще осталось, и швыряет в контейнер прямо поверх пакета. Предмет тут же приковывает к себе взгляды всех безопасников. Артефактор за столом, запоздало реагируя, издает невнятный звук. Гас качает головой, прикрыв ладонью глаза.

– Кхм, – даже глава службы безопасности, на миг утратив невозмутимость, многозначительно приподнимает бровь.

Артефактор становится темно-зеленым – так играют отсветы на его покрасневших щеках, когда Люсиль невозбранно преодолевает рамку детектора. Но он этого не замечает. Кажется, он не в силах отвести взгляд от кружевных белых трусиков весьма фривольного фасона.

Крякнув совсем по-стариковски, дед Гаса собственноручно убирает контейнер с вещами Люсиль под стойку, и ставит на стол новый. Артефактор встряхивается, точно испугавшийся в луже воробей, и, запнувшись, называет мое имя.

Радуюсь, что на мне все вещи обычные, снимаю браслет и кладу в контейнер.

– Это все? – удивленно смотрит на меня глава безопасности.

– Да, – жму плечами.

– Точно, госпожа Кроу? Не получится, как с госпожой Берки?

– Больше ничего магического у меня с собой нет, господин Тамбертон, – ровным тоном отвечаю я.

– Господин Экрю, – поправляет меня дед Гаса и широко улыбается. – Я дедушка этого охламона по матери, – указывает он подбородком на моего друга и интересуется уже у внука: – Ты когда патлы-то пострижешь?

Гас только закатывает глаза. Видимо, его прическа – давний камень преткновения. Подозреваю, что и занятие музыкой дед тоже не слишком одобряет.

Тем временем артефактор водит над моим браслетом жезлом, но тот не реагирует. Мужчина берет браслет двумя пальцами и внимательно его осматривает, перебирая в пальцах камешки, подносит к носу и зачем-то нюхает. Интересно, а на вкус он его попробовать не хочет?

– Госпожа Кроу, скажите, это ведь простое украшение? – на лице артефактора отражается недоумение.

Йархи! Получается, я сама себя выдала, отдав на проверку, на первый взгляд абсолютно немагическую вещь. Кто бы мог подумать!

– Не совсем. Это память о моем фамильяре...

– О... Примите наши соболезнования, но вы еще так молоды. Когда и как это произошло?

– Только сегодня утром. Я сама его развоплотила. Не намеренно...

Гляжу на безопасника прямо, но мои глаза остаются сухими.

– Перебрали с успокоительными? – участливо отмечает тот.

– Да.

– Потеря фамильяра – настоящее горе для призывателя. Я вам искренне сочувствую, госпожа Кроу. Держитесь.

– Спасибо, господин Экрю. Я могу забрать браслет прямо сейчас? Так... Так мне будет чуточку легче.

– Конечно, госпожа Кроу, – он дает знак артефактору, и тот возвращает мне браслет. Есть!

Надев украшение, преодолеваю зеленую пелену детектора. Легкое покалывание по коже тут же проходит, стоит оказаться по другую сторону от рамы. Растерянно замираю, инстинктивно ожидая требования вернуться, но господин Экрю молчит.

– Вам туда, госпожа Кроу, – указывает подозрительный господин Майлз на незамеченную мной ранее дверь.

Уже берясь за ручку, слышу негромкое:

– И какая же из них твоя, внук? Или все трое?

– Дед!

– Я бы выбрал блондинку, с ней точно не соскучишься, – продолжает рассуждать без-опасник.

В ответ доносится невнятное бурчание. Похоже, Гас растерял все присущее ему язвительное красноречие.

– Не психуй, внук. Лучше выворачивай-ка карманы. А то я тебя знаю.

Да уж. Дедушка Гаса не страдает излишней церемонностью и не планирует делать скидки даже для родни. Качнув головой, тяну на себя вычурную ручку и вхожу в светлую комнату, где ожидают прошедшие проверку адепты.

Некромант надолго не задерживается и появляется почти сразу за мной вместе с господином Вирром. Оба часто-часто моргают, привыкая к яркому свету, на котором особенно хорошо заметен отчетливый красный отпечаток пятерни на щеке нашего провожатого. Похоже, у Берки рефлекс раздавать пощечины, укутанной в «каменную кожу» ладонью.

Как по сигналу из противоположной двери появляются сразу несколько человек. Кивнув Вирру, вперед выступает женщина средних лет в белой форме без каких-либо украшений. Медовые волосы собраны в аккуратную улитку на затылке. Лицо приятное и располагающее, голос тоже. Менталистка, делаю я вывод, но «Спокуха» не дает разволноваться в очередной раз.

– Адепты, впереди завершающий этап проверки. Мы разделим вас по магическим специализациям и в индивидуальном порядке проведем замеры потенциалов, а также проведем некоторые тесты. Но не пугайтесь раньше времени. Это необходимо для тонкой настройки испытательного полигона.

Распределив адептов и установив очередность, менталисты приступают к проверке. Мной занимается та самая женщина, которая так и не представилась.

– Лягте, пожалуйста, в это кресло, магесса Кроу, – приглашающим жестом менталистка указывает на странное устройство посреди абсолютно лишенного красок белоснежного кабинета.

С осторожностью подхожу к эргономичному ложу на тонкой ножке. Касаюсь его ладонью. Никакого магического фона в этом месте не чувствуется совсем.

– Кхм... А почему здесь все такое белое, госпожа...

– Госпожа менталист, – приятно улыбается женщина, не собираясь выдавать свое имя. – Ответ прост – мы видим эмоции, их окраску, цвета воспоминаний. На белом все кажется ярче и отчетливой. Намного легче не упустить важное.

Удовлетворенная таким ответом, влезая в кресло и откидываюсь на спинку.

– Закройте глаза и расслабьтесь. Не бойтесь, я не стану лезть в вашу голову и выведывать секреты.

– Я так и не думаю, – отвечаю, отчего-то ощущая неловкость.

– Думаете-думаете. Все так думают, – усмехается женщина. – Как будто нам, менталистам, есть дело до каждого. А нам после работы хочется одного: сесть в удобное кресло с интересной книгой и закрыться наглухо щитами, и чтобы ни одна лишняя чужая эмоция не провалилась, – магесса тяжело вздыхает.

– Сочувствую. Не хотела бы я быть на вашем месте, – мой голос звучит ровно.

– На все воля Вездесущего, но не будем о грустном. Расслабьтесь, я сейчас считаю эмоциональный фон и задам вам несколько вопросов. Отвечайте мысленно и честно.

Менталистка встает позади кресла и кладет прохладные ладони мне на виски.

– Сколько вам лет? Ваше имя? Любимый цвет? Есть ли страсть к коллекционированию?

Мне приходится отвечать на ряд никак не связанных между собой вопросов. Ничего такого, что пугало бы или настораживало.

– Если хотите, сниму чувство утраты, – неожиданно предлагает менталистка. – Поделитесь причиной?

– Утром я развоплотила своего фамильяра.

– Сколько их у вас?

– Шесть, если считать рой светляков за одного. То есть теперь уже пять...

– А он был?.. – осторожно интересуется менталистка.

– Первым, – подтверждаю ее опасения.

– Соболезную. Скажите, без него вы способны выполнять свою функцию призывателя?

– Да.

Больше она вопросов не задает, отправляет меня к следующему магу. Такая же строгая женщина, одетая в обычную форму дворцового мага – юбку и пиджак темно-синего цвета, лацканы которых украшены золотой каймой.

– Госпожа Кроу, призовите, пожалуйста, всех своих фамильяров.

Делаю, как она велит, и магесса осматривает каждого, сверяясь с записями на планшете.

Перелистывая распечатки, уточняет:

– Здесь сказано, что у вас должен быть еще один.

– Да. Темный дух.

– Его придется заблокировать на время испытания.

– Заблокировать не выйдет, – усмехаюсь одними уголками рта. – Сегодня утром я его развоплотила.

– Как это понимать?

– Я обязана отвечать на этот вопрос?

– Нет, конечно. Уточните, без него вы способны выполнять свои функции?

– Да, способна, – перебиваю ее самым невежливым образом. – Сколько раз мне еще зададут этот вопрос? Я не понимаю, вы же сами только что сказали, что придется его заблокировать на время испытания, а теперь вас волнует его отсутствие?

Вместо того чтобы рассердиться, призвательница выдает неожиданное:

– Искренне вам сочувствую, госпожа Кроу, и очень надеюсь, что вы как можно скорей найдете замену. Рекомендую выбрать тот же вид, будет проще подстроиться.

– Спасибо. И... Извините за эту вспышку.

– Ничего. Вы отлично держитесь для того, кто только что потерял фамильяра, – она едва заметно улыбается. – Помню, когда сама не сумела сохранить в бою одного из своих, неделю ходила как сомнамбула, и ничего не могла есть.

Она что, боевой призватель?! Ничего себе! А с виду и не скажешь. Хрупкая, невысокая. Ее сложно представить в боевой броне...

– И я вам сочувствую. Наверное, потом я тоже позволю себе что-то подобное. Поплачу... А пока мне очень нужно пройти испытание, я готовилась к этому последние пять лет.

– У вас невероятная сила воли, Ирис, – магесса обращается ко мне по имени. – Желаю удачи.

– Спасибо. Но это не воля, это чудовищная доля успокоительных, – слабо улыбаюсь. – Я вас разочаровала?

– Ничуть. И, поверьте, успокоительные здесь ни при чем.

В смятении чувств покидаю кабинет. Обе женщины вызвали во мне невольную симпатию, и хочется думать, что это добрый знак. Что меня впереди ждет только хорошее, что я все преодолю и вернусь домой с победой. С такими мыслями вхожу в зал, где ожидаю остальных адептов. Последней появляется Люсиль Берки.

– Мне отдадут мою одежду или нет? – раздраженно шипит блондинка.

– Откуда я-то знаю, – Гас жмет плечами. – Хочешь, отдам что-нибудь из своего?

– Нет!

Тут снова появляется господин Вирр, за которым парень в форме слуги катит тележку.

– Адепты, сейчас Морис раздаст вам ваши вещи. Если кто-то чего-то недосчитается, значит, предмет оказался запрещенным. Вам вернут его на выходе.

Выкликывая имена, Морис раздает артефакты, но когда вызывают Люсиль, возникает заминка.

– Это все, что мне передала служба безопасности, госпожа, – оправдывается парень, протягивая ей малюсенький пакетик.

– Где. Моя. Одежда?! – похлеще иного демона рычит Блондинка Номер Один.

– Давайте проверим, может, она внутри? – парень участливо открывает пакет и сует туда нос.

Хлесь!

– Кран-тец... – шепотом ругается Гас.

На щеке Морриса багровеет такой же отпечаток пятерни, как и у господина Вирра.

– Теперь они выглядят как члены одной команды, – Дайана Кранк мстительно улыбается, наблюдая за этой картиной. – Надеюсь, Берки это не сойдет с рук...

– Извините, – слуга заливается краской.

Вырвав пакет у него из рук, Люсиль сверкает глазами так, что я удивляюсь, как она только пожар не вызвала.

– Господин Вирр, принесите девушке запасную форму дворцового мага. Пожалуйста, – слышится знакомый, обманчиво мягкий голос со стороны.

Мы все поворачиваемся, уже понимая, кто именно почтил нас своим присутствием.

Глава 6. Во власти иллюзий

Похоже, появляться внезапно – привычка Ридриха Ронна Первого. Вот и сейчас никто из нас даже не заметил, откуда он здесь взялся. Кланяясь, отмечаю, что император Тенидара сегодня одет более уместно для титула монарха. И на снимки из газет очень похож, разве что короны не хватает, но таким я бы его сразу узнала.

– Маги, магессы, рад приветствовать вас во дворце. Прошу прощения за маленький инцидент, случившийся позапрошлой ночью. Считайте это проверкой на верность, которую вы все прошли успешно.

Это он сейчас о метке, которая едва меня не убила?!

Так значит, это была «проверка на верность»? И как мне понять, прошла я ее или нет? Может, меня посчитали недостаточно верной, потому так скрутило? Хотя Ридрих сказал же, что прошли все. Значит, и я тоже прошла? Можно не переживать?

Остальные адепты согласно, но не слишком дружно кивают, но я замечаю, как многие тайком непонимающе переглядываются. Пожалуй, только Гейл позволяет себе благосклонно прикрыть глаза в ответ.

В этот момент откуда-то из-за портьеры появляется слуга с серой формой на вешалке, такую носят рядовые придворные маги низших должностей – подспела одежда для Люсиль Берки.

Представив, как кто-то рассматривал бы мое белье под магоскопом, внутренне передергиваюсь и искренне сочувствую блондинке. Никому не пожелала бы оказаться в подобном положении.

Конечно, нас не предупредили об усиленных мерах безопасности, но ведь и Люсиль не дура. Зачем так рисковала? Мне было весьма любопытно, что же за чары такие обнаружили безопасники на ее белье?

– Госпожа Берки, прошу простить моих людей. Они всего лишь выполняют свою работу. Не держите на них зла, – Ридрих особенно хорош, произнося эти слова.

Темные глаза источают тепло, в голосе звучит участие и толика раскаяния, словно это он лично сдирает с нее одежду против ее воли.

– Благодарю, ваше величество. Я все понимаю и совершенно не в обиде, – несмотря на одноразовый плащ, в который блондинка кутается, держится она с достоинством.

Император с улыбкой кивает.

– Господин Вирр, пожалуйста, помогите госпоже Берки.

У нашего провожатого дергается глаз, но он справляется с собой и, чинно кивнув, забирает комплект одежды у слуги:

– Госпожа Берки, следуйте за мной, – просит он чопорно и направляется к одной из нескольких дверей.

На его щеке напоминанием о тяжелом характере и не менее тяжелой руке изящной блондинки все еще горит красный след. Гас рядом со мной как-то слишком шумно втягивает воздух, словно справляясь с эмоциями. Кошусь на него, но некромант внешне, как всегда, невозмутим.

Пока Люсиль переодевается, Ридрих хвалит нас за отличные результаты и прочие заслуги во время учебы. Выражает большие надежды и обещает, что даже те, кто не станут его Лучами, обязательно получат должность во дворце, или за его пределами, по желанию. И по результатам сегодняшнего испытания, конечно.

– Хороший старт карьеры для тех, кто способен честно и качественно выполнять свою работу.

– Да, ваше величество! – на этот раз отвечаем дружно и воодушевленно.

Похоже, меня никто ни в чем не подозревает, и зря мы вчера так переживали, изобретая спас-амулет. Я все-таки добилась того, к чему шла эти годы, и уже неважно, каким будет результат испытания. Странное чувство, ведь оно даже еще не началось, а мне уже кажется, что мечта достигнута.

Но почему-то не получается полноценно порадоваться...

Прерывая мою рефлексию, возвращается Люсиль Берки, наряженная в форму императорского мага: серая юбка длиной до колена, такой же пиджак и белая блузка под ним. Пышные волосы собраны в гульку на затылке и закреплены карандашом. Выбиваются лишь кремовые лодочки на шпильке, добавляя пикантности деловому облику Блондинки Номер Один.

За Люсиль на безопасной дистанции следует господин Вирр. Кажется, на этот раз обошлось без инцидентов. Ни переломов, ни даже нового отпечатка ладони на пухлых щеках я не замечаю. Берки внешне спокойна, на ее лице играет доброжелательная улыбка, словно ничего не произошло. Точно ненароком она втискивается между Гасом и слишком близко оказавшейся к нему Дайаной Кранк, попутно наступая той на ногу каблуком.

Некромантка разъяренно шипит и отодвигается.

– Ой, извини, – улыбается ей Люсиль.

– Ничего-ничего, – отвечает ей такой же акульей улыбкой Дайана.

– Отлично! Теперь я расскажу вам о предстоящем испытании, – Ридрих Ронн медленно двигается вдоль зала, заложив руки за спину. – Я долго думал, как же заставить тех, кто станет моими Лучами, проявить себя на все двести процентов, но так, чтобы при этом никто не пострадал.

Император ненадолго замолкает, давая нам возможность осмыслить сказанное. А ведь произвело впечатление! Все притихли и внимают.

– Как менталисту, мне в голову пришла мысль, что сделать это можно единственным способом – создать иллюзию. Но она должна быть настолько качественной, чтобы реальность происходящего не вызывала и капли сомнений. Я собрал во дворце и совершенно замучил лучших менталистов со всего Тенидара, но своего все-таки добился.

Ридрих победно улыбается, и взгляд его темных глаз скользит по нашим лицам. Когда он останавливается на мне, ощущаю легкое касание чужого разума. Всего краткое мгновение контакта, и император уже смотрит на Гаса. Пытаюсь понять, успел ли он что-то прочитать в моем сознании, но даже сама толком не помню, о чем думала в тот момент.

Тянет руку Луардэ, и Ридрих благосклонно позволяет ему высказаться:

– Но ведь мы теперь заранее знаем, что все это не по-настоящему, как быть?

– Полагаю, лучше один раз увидеть, – по-мальчишески воодушевленно улыбается ему император. – Адепты, прошу за мной.

Он направляется к двустворчатым дверям, мощным и больше напоминающим ворота. И почему я их не замечала раньше? По обеим сторонам от дверей стоят невозмутимые гвардейцы.

– Как только двери откроются, не медлите. Входите сразу за мной.

Мы переглядываемся, и, похоже, нам приходит в голову одна и та же мысль – испытание начнется прямо сейчас!

Боевики мгновенно становятся собранными. Делятся на пятерки и выстраиваются в боевой порядок. Один из парней, имени которого я не знаю, тут же принимает командование:

– Проклятийники – назад. Некроманты – вторая линия обороны, остальные тр... – по боевической привычке он едва не назвал всех прочих магов тряпками, но вовремя сдержался, осознав, что и Ридрих Ронн относится к той же категории. – Остальные – в центр! Ваше величество?

– Благодарю, адепт Крайтер. Я пока сам определяюсь с местом в строю. Пока опасаться нечего, но обещаю вас слушаться и не создавать лишних проблем.

Парень по-военному коротко кланяется, отчего его пшеничная челка падает на глаза. Гвардейцы с видимым усилием медленно отворяют перед нами двери, и Ридрих коротко командует:

– Вперед!

Боевики первыми переступают порог, и весь наш отряд потихоньку втягиваться внутрь. В неизвестность...

Иду в самом центре эдакой «коробочки» сразу за четверкой высоких некромантов, из-за спин которых мне толком ничего не видно. Рядом шагает Берки. Справа от нее и позади нас – парни с нашего факультета. Всего шестеро призывателей вместе со мной. Замыкают строй артефакторы и проклятийники, к которым присоединился император.

Берки вдруг хватает меня за руку и громко шепчет:

– Кроу, тебе ничего странным не кажется?

– Нет, а... – не успеваю договорить, как вдруг осознаю, что впереди ничего не видно.

Даже боевиков, что первыми втянулись внутрь. Сразу за порогом начинается сплошная серая дымка, похожая на клубы пара. В ней скрываются идущие впереди нас некроманты. Все... Настает и наша очередь.

С внутренним трепетом перешагиваю порог, окунаясь в серое марево. Отмечаю, что двери стали шире и выше. Растянулись и вознеслись под самый потолок. Да и сам потолок сильно поднялся. Не может быть таких высоких потолков даже в императорском дворце...

Странно, но стоило оказаться по ту сторону ворот, и дымка, хоть и не пропала, но совершенно не мешала видеть товарищей.

– Иллюзорный мир похож на настоящий как две капли воды, – послышался из-за наших спин голос императора. – Здесь нам могут причинить боль, ранить, оторвать конечность или голову. Здесь вы почувствуете все так, как будто это происходит на яву, но в реальности не пострадаете.

Не успеваю толком задуматься над его словами, как подскакиваю на месте, громко взвизгнув. От щекотки никакая «Спокуха» не защищает – вот оно идеальное оружие.

– Просто хотел убедиться, что ты не иллюзия. Извини, – виновато разводит руками белобрысый боевик, смешливый парень с крупными передними зубами, который шел рядом.

– Вот на себе и убеждайся в следующий раз, – бурчу, поправляя пиджак.

Все смеются, маленький инцидент слегка снижает градус серьезности. Серая непроглядная мгла вокруг окончательно развеивается, расползаясь, точно ключья утреннего тумана.

– Все верно, – улыбается император. – Щекотка, вкус пищи и любые другие ощущения. Все, как и в реальности. Подозреваю, если задаться целью, можно даже простудиться.

– А... Это... Любовь и всякое такое?

– И это тоже, адепт Луардэ. И даже ваша магия здесь работает так, как и должна.

– Но как же такое возможно, ваше величество? – чешет великан в затылке.

– Боюсь, что даже если я разьясню все тонкости ментальной магии, вы все равно не поймете, – разводит руками Ридрих.

– Выходит, если кто-то погибнет здесь, то... – осторожно уточняет Дайана Кранк.

– Он переживет свою гибель так, как это произошло бы на самом деле. Но там, – Ридрих тычет пальцем куда-то вверх, – физически мы останемся в полном порядке. Операторы испытания отслеживают наше состояние и не допустят ментальной нагрузки, от которой мы не сможем оправиться, – он усмехнулся. – Одно «но»: если погибну я, испытание закончится для всех.

– То есть, если нам станет неважно, сможем использовать вас, как ключ для выхода? – прямолинейно уточняет Гас Тамбертон-Экрю.

– Неплохой вариант, только не факт, что сегодня я подберу себе Лучей в таком случае

– А работа? Как насчет работы для остальных? Для мирных, – недобро глянув на боевика, интересуется невысокий парнишка артефактор.

– Мое слово неизменно. Всем, кто проявит себя достойно, будет предложено место во дворце или иные перспективные должности.

– Видите, парни, бояться нечего, – хорохорится кто-то из боевиков.

Император только загадочно улыбается. И я вдруг замечаю, что он снова одет в ту же самую толстовку, в которой я его видела раньше в академии. А на боку у него... ножны с коротким мечом! Смотрятся они совершенно неуместно на парне в обычной уличной одежде.

Кстати, а когда он успел переодеться?

На мгновение пред мысленным взором встает картинка, как Ридрих Ронн, пожелавший идти в арьергарде, тайком переодевается, прыгая на одной ноге и подтягивая штаны, чтобы мы не заметили. Ха-ха.

– Ой, овечки! – неожиданно выдает Люсиль.

И действительно, туман окончательно рассеялся, никаких дверей позади и в помине уже нет, а мы находимся посреди обширных пастушьих угодий на вершине пологого холма.

Во все стороны, насколько видит глаз, расстилаются точно такие же, и только справа, где-то у самого горизонта, синее полоска далеких гор. Ярко светит солнце, пригревая через черную ткань пиджака. На склоне нашего холма пасется целое стадо овец. Чуть поодаль, на соседнем, виднеются домишки, к которым ведет извилистая тропа.

Но самое забавное, что начинается эта тропа прямо под нашими ногами, и никаких других троп здесь попросту нет, и даже трава подозрительно не примята, словно бы стадо овец никогда не двигалось с места.

– Что ж, похоже, нам туда, – указывает Ридрих на деревеньку и выдвигается к ней первым.

Не сговариваясь, с четырех сторон от него на расстоянии в несколько шагов расположились многочисленные, в отличие от прочих магов, боевики. Чуть замешкавшись, мы двигаемся следом, стараясь поддерживать строевой порядок.

– Что бы ни происходило, ваша задача – сохранить мою жизнь, – продолжает инструктировать император. – Будьте бдительны.

– Ваше величество, чего именно нам стоит опасаться? – уточняет Крайтер.

– Не знаю. Для меня это такое же испытание, как и для вас.

Некоторое время мы молча спускаемся с холма, не уставая удивляться реалистичности иллюзии.

– Цветы пахнут! – восклицает Энн Финч.

– Трава ноги щекошет, как настоящая! – делится впечатлениями Берки. – И идти неудобно! – она уже не в первый раз спотыкается.

Еще дважды споткнувшись и трижды подвернув ногу, Блондинка Номер Один сдается и снимает туфли, тонкие шпильки которых не дают ей нормально идти. К этому моменту мы минуем пасущееся стадо белоснежных, точно облачка, овец, и вдруг что-то незаметно меняется.

Уже не столь ярко и радостно светит солнце. Чувство такое, словно тень на небо набежала, и уже в следующий миг на холмы опускаются сумерки, и в окнах домов, расположенной в низине, окруженной частоколом деревеньки, зажигаются уютные огни. Мы находимся выше на местности, потому это хорошо видим.

Овцы беспокоятся, стадо вдруг бросается в сторону, словно кем-то напуганное. Поднимается гвалт, животные жалобно блеют. От ощущения опасности у меня волосы встают дыбом. Что-то определенно происходит. Что-то неправильное. Это же понимают и другие адепты. Мы все принимаемся вертеть головами в поисках источника опасности.

– Движение на десять часов! – оповещает один из боевиков, первым заметивший приближающихся хищников. – Волки!

На его ладони тут же формируется огненный вихрь.

– Матерые твари, – отмечает Гас, но пока не спешит что-то предпринимать, давая боевикам возможность проявить себя.

Пятерка серых спин, вывернув из распадка, направляется в нашу сторону вверх по склону. Между нами и ними как раз и пасется стадо.

Точно! Может, нам и не грозит ничего? Может, звери просто вышли на ночную охоту?

– Отставить! – Ридрих Ронн пресекает попытку изничтожить волков на подходе. – Следует сначала подумать, грозят ли волки нам.

– Да чего думать-то? Бить на упреждение надо! – оправдывается один из боевиков, заливаясь краской.

Поддавшись азарту, он уже успел швырнуть свой шар в сторону оголодавших хищников, вопреки приказу императора. Но парень не успевает договорить, как происходит странное – прямо на глазах он растворяется в воздухе.

– Ёпт!.. – его товарищ слегка шарахается в сторону. – Это что за?.. – Так, я не понял, куда делся Арчи? – он осекается, и вопросительно смотрит на императора.

Ридрих тяжело вздыхает и качает головой.

– Выбыл, – ехидно отвечает ему Гас.

– А нечего инициативу проявлять там, где не надо, – недовольно рычит Луардэ. – Вы тут в гвардию собрались, или где? Отставить детский сад! Еще кто выкинет подобное, на кулак намотаю, ясно?

Боевики не спорят.

– Командуй, Ксан, – Луардэ хлопает Крайтера по плечу.

– Впредь никаких действий без приказа! Не хватает выбыть еще до начала настоящих испытаний, – предупреждает остальных тот.

Перепалку прерывает истошное блеяние – это волки режут первую овцу. Перепуганные животные подаются прочь от места убийства и, подняв клубы пыли, спускаются в низину.

– Ваше величество? – Ксан Крайтон смотрит на Ридриха Ронна.

– Жителям деревни, куда мы идем, не понравится, если их стадо уничтожат волки. Но еще меньше им придется по нраву, если его изведем мы. Нужно действовать, но тоньше, аккуратнее.

– А можно я попробую? – вызывается Люсиль.

– Пробуйте, госпожа Берки, – позволяет император.

Блондинка Номер Один, как была – босая, выходит вперед и призывает одного из своих фамильяров – гигантскую змею.

– Них... себе, – сглатывает ругательство тот же самый боевик, что удивлялся исчезновению непокорного Арчи. – А с виду такая милая девушка!

Не обращая ни на кого внимания, Берки выбрасывает вперед руку, и зелено-белая чешуйчатая громадина устремляется вниз с холма. Но на этом Люсиль не останавливается. Под ее пальцами стремительно вращаются круги призыва, горящие ядовитой зеленью. Один, два... пять, семь...

Они ширятся и расходятся в стороны, а затем падают на землю и тают. Блондинка негромко выговаривает слова заклятия, и я угадываю универсальную опознавательную формулу.

Ага! Значит, не только я заподозрила, что с этими волками что-то неладно.

– Это не волки! – Люсиль поворачивается к нам. – Это...

Она не успевает договорить, потому что почва прямо позади нее взрывается фонтаном...

Люсиль, зажмурившись, делает рывок вверх по склону, стремясь уйти подальше от опасности. Она не видит, что творится позади. Спасая жизнь, несется на инстинктах так, что пятки сверкают. Хорошо, что она босиком. Не иначе рука провидения заставила красотку выбросить любимую обувь. Фамильяр-змея отстает, схватившись с двумя ужасного вида тварями, похо-

жими на дохлых жаб, неведомо откуда взявшихся, но две других продолжают по-лягушачьи скакать за блондинкой, ощутимо сотрясая землю.

Навстречу Люсиль, оглашающей окрестности истошным визгом, выскакивает один из боевиков. Подхватив ее одной рукой за талию, выдергивает из разверстой пасти жуткой некролягушки и одновременно выпускает огненный шар прямо в эту самую пасть. Мощным рывком поднимается на вершину холма и буквально вбрасывает Берки в строй за наши спины. Остальные боевики тут же смыкаются, готовясь отразить удар.

Придерживаю Люсиль, помогая ей устоять на ногах. Чувствую, как блондинку бьет мелкая дрожь и невольно кошусь на монстров, которые тяжелыми прыжками приближаются к нам. Похожих на раздутых жаб чудовищ боевики за мгновение превращают в прах.

Действуют парни слаженно. Вроде бы пока им и не нужна наша помощь. Только лягушки-переростки далеко не единственная проблема. И то, что эта проблема пока далеко – хорошо. А вот то, что она не единственная, и скоро будет близко, – не очень...

Сглатываю слюну, вглядываясь в происходящее у подножия холма. Туда в низину ломанулось стадо овец, убегающих от волков. Но теперь от него почти ничего не осталось. Пропали белые облачка на четырех ножках. Да и пейзаж вокруг уже не такой умиротворяющий...

Холмы больше не радуют взгляд веселой зеленью, а небо приветливой голубизной. Даже трава под ногами становится черной, словно выжженной. Сумерки превращаются в ночь, и сквозь затянувшие небо мрачные облака зловеще проглядывают три луны.

Белые как снег овечки, которых мы только что жалели, как оказалось, вовсе не погибли. Они посерели, многократно размножились, превратившись в жутких монстров и теперь с аппетитом доедали волков...

Не выдержав такого непотребства, один из обглоданных наполовину хищников, поднимается на костлявые ноги и расшвыривает пирующих его плотью. Задрав к небу морду, он издает такой душераздирающий вой, что хочется немедленно посетить уборную. Так. На всякий случай. Во избежание конфуза-с.

– Их стало вдвое больше! – в ужасе сипит Люсиль, больно вцепившись мне в плечо. – Ирис, ты это видела? Он завыл, и они размножились!

Действительно, всю низину заполоняют чудовища. И все, точно по команде, устремляются к нам, будто лавина, которая способна подниматься по склону наверх!

– Ох, ты ж! Мать-перемать... – нестройные ругательства разной степени тяжести доносятся со всех сторон.

Я бы тоже с удовольствием выругалась, да только слова застревают в пересохшем горле. Все мое красноречие отрубает напрочь.

Вездесущий, это же все неправда! Не по-настоящему! Такого просто не может быть!

То ли действие «Спокухи» внезапно заканчивается, то ли она больше не в силах мне помочь справиться с обуявшим ужасом при виде такого количества тварей, я не знаю. Но больше не чувствую себя такой замороженной, как раньше.

Оторопело осматриваюсь по сторонам, понимая, что для нашего маленького отряда лютых клыкастых баранов слишком много. Они нас захлестнут и погребут под своими телами даже не заметив.

На лицах остальных адептов царит растерянность. Похоже, никто не ждал от испытания ничего подобного. Никто толком не представляет, что делать дальше. Нас такому не учили. Нам даже не рассказывали про такое! В реальности этого просто не могло произойти. Полный бред! Чья-то больная фантазия! Иллюзия!

Только вот это знание совсем не помогает мне успокоиться. Гляжу на товарищей и почти физически чувствую, как наш отряд накрывает волной безысходности. Все это время Ридрих Ронн молчал, словно погруженный в транс.

– Пробиваемся к деревне! Там будет легче держать оборону! – командует он.

Боевики приходят в себя первыми, выстраиваются жидким полукругом между нами и надвигающимся противником. Их всего-то четырнадцать... Еще несколько минут назад я считала, что это неоправданно много, но теперь бы и от усиления не отказалась.

Не тратя времени на раздумья и споры, бежим к деревне по забирающей вправо тропе. Стадо при этом остается слева, а навстречу чудовищам, даря нам лишние мгновения жизни, летит град из огненных шаров, белых и голубых молний, водяных смерчей и воздушных лезвий, выкашивая целые просеки в рядах противника.

Но места павших тут же занимают новые твари, и вся буро-серая масса нежити стремительно приближается. Пять минут? Две? Сколько у нас осталось, прежде чем они налетят и сомнут?

– Щиты! – ревет боевым горном Ксан Крайтер.

Вот же луженая глотка! Но команда излишняя. Вокруг нашего отряда и без того уже мерцает прозрачная завеса защитного полога – то артефакторы с перепугу расстарались.

– Это нежить! И волки, и остальные тоже! – орет на бегу, дергая меня за рукав, Люсиль. Она уже немного отошла от потрясения. – Точно нежить, я проверила!

Ее глаза сверкают так лихорадочно, словно Блондинка Номер Один попала на распродажу брендовых шмоток.

– Гас? – окликаю Тамбертона-Экрю.

– Знаю. Чувствую. Ну, теперь повеселимся! – тон, которым некромант это произносит, совершенно не отражает ни радости, ни предвкушения. Скорее это сарказм. – Дайте нам несколько минут на подготовку. На ходу ничего не получится.

– Тряпки, не высовываться! – предупреждает от необдуманных поступков Ксан, боевики которого движутся параллельно нашему отряду, продолжая осыпать чудовищ магическими ударами.

В этот раз наш командир даже не старается сдержать язык, но никто и не думает спорить или обижаться.

– Не путайтесь под ногами, – со всей серьезностью ему вторит Луардэ. – Зашибем!

И действительно зашибут. Ни проклятийники, ни остальные не приспособлены к бою со столь многочисленным противником. Не умеют воевать в строю. Да и некромантов подобному не учат. Во всем Раадриме никто не станет столь по-идиотски тратить драгоценную энергию, чтобы поднять армию мертвых или хотя бы одно кладбище. Слишком бестолковое и неэффективное занятие, тем более что всех дохляков тут же и спалят...

А вот наши дохляки горели как-то плоховато.

– Стоять! – ревет Ксан, и все останавливаются раньше, чем понимают причину.

Дальше хода нет. Отрезая нас от цели, с гребня холма нам наперерез спускаются несколько новых чудовищ. Их длинные гибкие тела стремительно и ловко двигаются. Несколько боевиков во главе с Крайтером переключаются на них. Запуская очередную молнию в нагло вырвавшегося вперед некрокота, размером с корову с чересчур длинным телом и почерневшими клыками, Ксан отмечает:

– Эти не такие, как те. Чую, скоро опасных гостей у нас поприбавится. Некросы, есть идеи?

– Сейчас будут! Дайте время, чтобы подготовить ритуал, – отвечает ему Тамбертон-Экрю.

Оценив то, что на нас надвигается, Гас подзывает ближе коллег по цеху, и некроманты начинают совещаться. Мы с одноклассниками растерянно переглядываемся, пытаясь сообразить, сможем ли и мы что-то противопоставить такому противнику, но вот так сразу ничего не приходит в голову.

– Отставить! Не тратьте попусту магию! Приготовиться к ближнему бою – ревет Ксан на своих, останавливая разошедшихся боевиков. – Держать оборону! Стоим насмерть. За императора!

И тут на нас накатывает первая волна, состоящая из самых быстрых и легких. Твари так близко, что я могу в подробностях их рассмотреть. Меня отделяет от ближайшего чудовища лишь натянутая в кожу спина малознакомого парнишки с факультета боевиков и тонкая пелена магического щита. Как не убеждай себя, мозг верит в реальность происходящего. Хочется истошно визжать, и... жить!

– За Тенидар! За императора! – горланят парни, нанося удары.

Среди прочих особенно выделяется голос Луардэ. И меня пробирает. Я вдруг понимаю, к чему все эти боевые кличи. Почему боевики всегда так шумят. Это очень подбадривает в критический момент, помогает собраться, почувствовать единство и плечо товарища. Осознать общность цели. Их всего лишь четырнадцать против бесчисленного противника, но они и не думают отступать, грудью защищая остальных.

– Нежить больше прочего боится огня! Надо призвать огневиков! – приходит мне в голову идея.

Ухватившись за задуманное, рисую в воздухе круг призыва, но... Никто на мой зов не отзывается. Совсем никто.

– У меня тоже не получается! – подтверждает мои опасения Люсиль.

Лишь двое наших призывают огненных духов, да и то с трудом и только потому, что это их фамильяры. Остальные не у дел. Похоже, возможности призывателей здесь сильно ограничены, и это открытие совершенно не радует, ведь нам говорили, что магия работает так же. Сражение в самом разгаре, а мы вынуждены просто наблюдать и бездействовать.

Собственная несостоятельность больно ударяет по самолюбию, но рефлексировать некогда. Вокруг творится полный армагеддон! Визжат и режут погибающие монстры, орут и рычат боевики, нанося удары. Пахнет дохлятиной и горелым мясом. Вонь такая, что в ужасе сжимается желудок, грозя вывернуться наизнанку. Ближний бой – это страшно.

Вооружены парни только тем, что могут создать силой собственной магии, но на их лицах улыбки, похожие на звериный оскал. И ни грамма страха в горящих боевым азартом глазах!

Не в силах на это смотреть, оглядываюсь на Ридриха, который по-прежнему держится рядом с проклятийниками. Император снова стоит, прикрыв веки, и не шевелится, погрузившись в себя полностью. Прохожусь по бледным лицам артефакторов, которые стойко напытают своей магией щиты.

Они разделились на две тройки. Три парня – генерируют внешний контур, а две девушки, среди которых Энн Финч и еще один паренек, держат второй – внутренний сразу за их спинами, дополнительно прикрывая Ридриха.

Рядом с императором хмурые проклятийники. Похоже, они, как и мы, пока не у дел, но губы Гейл беспрестанно шевелятся, а в глазах отражаются фиолетовые всполохи. Похоже, подруга не оставляет попыток проклясть тварей, или что-то просчитывает.

Боевикам удастся покончить с первой волной, но почти сразу накатывает вторая. Не давая нам и малейшей передышки, подходят твари из-за гребня. И снова треск молний, вспышки огня, рев и ругань. Запах озона смешивается со смрадом горелой мертвечины. Мой взгляд невольно скачет от чудовища к чудовищу, но картинка никак не складывается воедино, все выглядит как поломанный калейдоскоп.

Мы несем первые потери. Эти более ловкие твари выдергивают из строя одного боевика. Парень захлебывается криком, и больше мы его не видим, даже после того, как десяток огненных шаров превращают монстров в пепел.

Но это далеко не конец.

– Усилить щиты! Схема три-два. Перераспределить энергию! – командует своим один из ведунов-артефакторов.

Щит на мгновение расширяется в стороны, отталкивая монстров, давая парням секунду передышки.

– Оставаться здесь равно смерти. Нужно идти вперед! – голос императора звучит негромко, и словно прямо в моей голове.

– Впереед! Пошевеливайтесь! – вторя ему, ревет Ксан.

Он на самом острие атаки. Пылающий голубым пламенем меч командира боевиков вздымается и опадает, и каждый взмах не проходит для тварей даром. Не отстают от него и остальные, которых, к моему ужасу, осталось всего одиннадцать. Как и когда мы потеряли еще двоих, я даже не успела заметить...

Глава 7. Победу нужно ковать вместе

Затея кажется безнадежной. Дорога к деревне перекрыта, а мы окружены.

– Некросы, ну что вы там копаетесь? – паникует кто-то из артефакторов.

– Мы готовы! Разойдись! – откликается Гас.

Четверо некромантов, мрачных и собранных, синхронно выходят за защитный барьер с ритуальными ножами наголо. Прямо туда, где из-под земли и по ее поверхности к нам подбираются кошмарного вида твари, словно собранные из разных кусков плоти. Провалы глаз зловеще светятся зелеными отблесками. С остовов свисает лохмотьями кожа, фиолетовые кишки волочатся по земле. Сладковатый гнилостный запах, густой и невыносимый, вызывает рвотный позыв, и я, не выдержав, закрываю нос и рот рукавом, стараясь дышать пореже.

О, чудо! Твари сторонятся вставших спина к спине некромантов и подаются назад.

– Ан нумен эктус импазикус! Тор химен! – заклинание звучит в унисон.

Два синхронных взмаха ритуальными ножами, и некроманты выбрасывают вперед обе руки с окровавленными ладонями, окропляя землю. Страшный рев, переходящий в визг за гранью слышимости, разносится над холмами, выворачивая наизнанку душу. От некромантов во все стороны расходится невидимая волна силы, и нежить точно выкашивает гигантской косой в радиусе сотен метров.

Меня пробирает до костей, к сердцу ползет могильный холод. Требуется усилие, чтобы сделать новый вдох. И вообще жить...

– Мамочки, что это было? – сипло выдыхает Люсиль.

– Не знаю. Но в академии такому вряд ли научат, – подозреваю Гаса в применении запретных знаний.

Два некроманта из четырех вдруг падают и растворяются в дымке. Теряя сознание, оседает на землю Дайана. Только Гас остается на неверных ногах, прижимая к груди раненую руку.

– Помогите ей, – хрипло просит он через плечо, не обращая ни к кому конкретно.

Шатаясь, он возвращается, до ужаса напоминая того самого мертвяка. Бледное лицо осунулось, вокруг глаз проступили черные круги, из носа стекает струйка крови, а в потемневших зрачках полыхают зеленоватые отблески. Кажется, такое бывает от переизбытка некроэнергии? Получается, они вчетвером выпили этих тварей? Или сделали что-то похожее. Но почему тогда погибли те двое?

Кастор Дин, один из призывателей, кто, как и мы, мается от безделья. Именно он бросается к некромантке и подхватывает ее на руки.

– Гас! – Люсиль пытается выскочить навстречу Тамбертону-Экрю.

– Куда! – рычит на нее стоящий рядом боевик, удерживая за локоть.

– Гас, что с тобой?

– Я в норме! – отмахивается некромант, жестом показывая, чтобы не дурила.

Он не занимает свое место в отряде, а встает плечом к плечу с Ксаном Крайтером, и мы снова двигаемся вперед.

– Хорошая новость, – хрипит пришедшая в себя Дайана, которую все так же несет на руках Дин. – Мы уничтожили многих.

– А плохая? – не выдерживает парень.

– Самые здоровые и крепкие – остались, – криво усмехается девушка, и вытирает обильно идущую носом кровь.

– А что с остальными? – не выдерживаю я. – Отчего они погибли?

– Энергия смерти, она такая. Или ты ее, или она тебя в труху перемелет... – отвечает некромантка, и тут ее скручивает мучительный кашель.

Дав ей передышку, оглядываюсь по сторонам. И точно. Здесь и там видны отдельные особи, оглушенные, но живые. Их мало по сравнению с тем воинством, что было. И все же гораздо больше, чем мне хочется. Все как на подбор страшные и громадные. Одна радость – им тоже требуется время, чтобы очухаться.

Монстры приходят в боеготовность, когда мы спускаемся в низину.

– Бегом! – ревет Ксан.

Больше не отвлекаясь и не стараясь держать строй, мы что есть силы несемся к деревне. Проклятийники, во главе с Гейл Мандрейдж по-прежнему не отходят от императора. С виду они невозмутимы, точно заняты чем-то другим, но по фиолетовым отблескам в зрачках, ясно, что и они принимают участие в битве.

Ворота приглашающе распахнуты, за ними видна часть двора, где полыхает костер. Костры горят и по периметру частоккола, но, хоть убей, не помню, чтобы их кто-то разжигал.

Монстры добираются до нас снова, когда до ворот остаются считанные шаги. Гас и Ксан вместе встречают первого: здоровенного, с длинной шеей и маленькой головой, увенчанной огромной зубастой пастью. С боков чудовища словно со старого дивана, ошметками слезают клочья кожи, а внутри отвратительно булькает при каждом грузном прыжке.

Некромант и боевик составляют удивительный тандем. Гас неторопливым движением снимает с пояса бич и лениво разматывает кольца, словно и не стоит перед несущимся прямо на него мертвым гигантом.

Надо же! А я раньше не замечала у некромантов склонности к подобному искусству.

Бич взлетает в воздух и, повинаясь властной руке, описывает круг над головой, а затем, точно ядовитая змея, со свистом выстреливает в сторону монстра. Обвивает длинную шею твари. Рывок. Гас пригибает к земле отвратительную голову. Чудовище ревет и сопротивляется. Упирается лапами, трясет башкой, раскидывая клочья ядовитой слюны. Довершает дело потрескивающий голубыми молниями меч Ксана Крайтера.

Он обезглавливает тварь, и стоящие ближе других адепты дружно отскакивают в стороны, уворачиваясь от черной вонючей жижи, которая выплескивается наружу из тела, бьющегося в агонии.

Один из боевиков мешкает, недооценив опасность, и его истошный крик наотмашь бьет по нервам. Не в силах отвести взгляд, наблюдаю, как черная жижка кислотой разъедает его тело. Смотрю и понимаю, что уже никогда не буду прежней. Никто из нас не будет... Спасибо свихнувшимся организаторам мероприятия, чтобы им кошмары с йархами снились.

Одного из артефакторов выворачивает прямо на ботинки. Не выдерживает желудок, но его можно понять.

– Чего застыли? Вперед, неженки! – командует Ксан. – Уводи их, Гас!

Боевик хватает за шкуру ближайшего парня и пихает по направлению к воротам. Дает ускорительный пинок второму. Толкает третьего в спину. Это приводит остальных в чувство.

– За мной! Все за мной! – приказывает некромант, бегущий в авангарде.

Команду подкрепляет свист и оглушительный щелчок бича, от которого разлетаются клочья тьмы, похожие на перья Птица. Они так же тают прямо в воздухе раньше, чем опадают на землю...

Сбросив оцепенение, адепты начинают двигаться, спеша убраться подальше от истекающего ядовитой субстанцией труп монстра. Глотая туманящие взор слезы, я заставляю себя переставлять ватные ноги.

– Это все неправда. Иллюзия! Иллюзия! Иллюзия... – повторяю, точно мантру.

Невовремя бросаю короткий взгляд назад и успеваю увидеть, как поднимается и опадает меч, сверкающий голубыми молниями, а у нас становится еще на одного боевика меньше...

Это же был тот самый парень, который все это время оберегал нас с Люсиль!

Непрошеное сухое рыдание вырывается из горла, вынуждая зубами вцепиться в рукав пиджака. Ксан нагоняет нас спустя несколько мгновений и остается рядом, прикрывая спину. А за нами стремительно несутся новые чудовища, которых не существует ни в одной из реальностей. Как призыватель, я очень на это надеюсь...

– Почему бы вам было не взять под контроль эту дохлятину, а, Кранк? – интересуется на ходу Люсиль, нарушая гнетущее молчание.

Не похоже, что она издевается над некроманткой. Скорее пытается отвлечься, судя по отблескам ужаса в широко раскрытых, влажных от застывших слез глазах.

– Какая ты умная, Берки! Может, возьмешь и сделаешь это сама? Хотя какая-то от тебя будет польза, – ехидничает Дайана, которую несет на руках Дин.

Выглядит она совсем неважно. Глаза запали, на бледном лице проступила сетка голубых вен, делая ее саму похожей на мертвеца.

– Нежить – это не по нашей части, – огрызается Блондинка Номер Один.

– А правда, почему нет? Несколько таких чудищ на нашей стороне обеспечили бы неплохое прикрытие, – развивает идею Люсиль Кастор Дин. – Вот бы их сравить между собой.

– Для этого необходимо время, чтобы провести ритуал. Но, как вы могли заметить, времени на подготовку нет, – хмурится Дайана и требует: – Я в норме. Сама пойду. Поставь меня на землю.

С сомнением Кастор Дин делает, как велено. Некромантка выискивает взглядом Тамбертона-Экрю, но тот слишком далеко, и ей остается только тяжело вздохнуть. Она не то что помогать, догнать его пока не в состоянии. Наверное, только поэтому продолжает плестись рядом с нами.

– Я попробовала убивать нежить, но моя Нага не способна сражаться с мертвецами. Она природное создание и быстро потеряла силу, – зачем-то вдруг принимается оправдываться Люсиль и понуро добавляет: – А других подходящих боевых существ у меня нет.

Ее слова вторят моим собственным мыслям. Среди всех моих фамильяров тоже нет никого, кто способен был бы противостоять нежити. Ну не феечек же звать на помощь?

Н-да. Какой-то у меня безобидный «зверинец» подобрался. Из боевых разве что Птиц? Но, во-первых, его больше нет. А, во-вторых, мне бы все равно его заблокировали по словам той менталистки. Интересно, а не потому ли, что темного духа, который сам запросто может кому угодно запудрить мозги, попросту невозможно обмануть никакими иллюзиями?

Темный дух, да в иллюзорном мире? Ха-ха.

Мы с Люсиль с легкой завистью провожаем пару огненных псов, устремившихся по склону в сторону очередной твари. Следом за ними, раскидывая искры, по воздуху несется огненная птица-феникс. Это фамильяры Рида Джефса – нашего более удачливого товарища. Огневики развлекаются, поджигая чудищ в последних рядах. Авось сгорят полностью, пока до нас доберутся. Ну или хотя бы наполовину поджарятся. С калечными монстрами сражаться полегче будет, чем с целыми и бодрыми.

– Я почти жалею, что с нами нет Маклюса. Его элементали сейчас ой как пригодились бы, – констатирую со вздохом и нарываюсь на пристальный взгляд Берки. – Что? Я прагматик.

Кастор Дин и Мел Шайн, парни, у которых, как и у нас с Люсиль, не оказалось огневиков, не желают оставаться в стороне. Оба призывают фамильяров – клыкастых бронированных химер – дальних родственников чудища болотного, которого Руфус выставлял против меня на арене. Сейчас, когда тварей поубавилось, у них появился реальный шанс принести пользу.

– Что-то я их раньше не видела. И когда только успели обзавестись? – шепчет Люсиль.

Убить гигантскую нежить химеры не способны, но толстая броня защищает их от ядовитых зубов и когтей. А вот сбить с ног, мешать передвижению или отвлечь и затормозить у них получается прекрасно. В тандеме с огневиками они наносят нашему противнику существенный урон – все подмога.

Совместными усилиями мы успеваем пробиться к приветливо распахнутым воротам.

– Стойте! На входе смертельное... – предупреждающий крик Гейл немного запаздывает, и Рид, сосредоточенный на управлении тремя огненными элементами сразу, вбегает внутрь, – ...проклятье... – заканчивает Гейл, наблюдая, как развеивается темным облачком то, что осталось от парня.

– Не входите! – предупреждает Ридрих Ронн, и уж его-то все слышат. Трудно не услышать голос, звучащий прямо в твоей голове. – Сможете его снять? – уточняет у проклятийников император.

– Да, – кивает Ремлин Энсмон, худощавый парень с тяжелым взглядом разноцветных глаз.

– Только прикройте нас. Если рванет, всем достанется, – предупреждает рыжеволосая пухленькая Милен Армер, в которой с трудом можно было заподозрить невероятную разрушительную силу.

– Ничто не должно нас отвлекать, слышите? – Гейл, внимательно глядит на императора.

– Держать оборону! – командует Ксан. – Прикрыть проклятийников, чтобы ни одна... – то, как он называет дохлых зверюшек, так и норовящих нами полакомиться, заставляет вспыхнуть уши, – ...к ним не прорвалась. Внимательнее, парни! Ведуны, барьер будет?

– Будет!

У всех артефакторов на спинах небольшие рюкзачки, откуда они дружно выуживают и бросают на землю кубы стационарной купольной защиты. С тихим хлопком она разворачивается над нашими головами, укрывая от беснующейся нежити плотной прозрачной полусферой тридцатиметрового радиуса. Еще одна полусфера поменьше накрывает проклятийников.

– Ну, так. На всякий случай. Если у них там что-нибудь рванет... – пожимает плечами паренек, который взял на себя руководство ведунами. – Финч, «коктейль» боевикам. Живо!

Энн, не задавая вопросов, вынимает из своего рюкзака тонизирующее зелье, восстанавливающее магические силы. Раздает их нашим защитникам. Утомленные боем парни залпом опустошают пузырьки.

– Спасибо! Теперь еще повожем! – радостно скалится Луардэ.

Пользуясь передышкой, что дает нам стационарный барьер, боевики накапливают энергию, лишь изредка отгоняя особенно обнаглевших мертвяков. Я тоже присаживаюсь на какую-то корягу и с умиротворением наблюдаю за тремя яркими точками, которые стремительно приближаются – это возвращаются неприкаянные огневики. Удивительно, что они до сих пор не развеялись со смертью хозяина...

– Твою ж! – подсказываю, понимая, что случится, когда элементали окажутся здесь. – Огневики!

Мой вопль запаздывает. Купола настроены так, чтобы беспрепятственно пропускать «нашу» магию, и не останавливают элементалей. С рокочущим рыком огневики набрасываются на рыжую проклятийницу.

И чем именно она им не понравилась-то? Милен визжит и теряет концентрацию. Гейл и Ремлин как ошпаренные отскакивают в стороны, подальше от ворот... Никогда раньше я не действовала так быстро, призывая существ. Хватает одной мысли, и вот уже мои феи танцуют завораживающий танец перед мордами огненных псов и птицы.

С проклятийницей, к счастью, порядок. Ее оттаскивает в сторону один из боевиков, а Финч помогает залечить ожоги. Чувствуя, как меня потряхивает, выдыхаю. Но это далеко еще не конец.

– Берки, Дин! Берите по одному. Чур, птичка моя!

– Ура! Хоть какой-то толк от нас будет, – радуется Кастор Дин.

Но контроль над чужими фамильярами просто так не перехватить, и мы втроем принимаем чертить схемы призыва, рассчитанные на подобный случай. Споро орудия подобран-

ным камнем, Люсиль Берки бросает хмурые взгляды, на обороняющих наш маленький лагерь боевиков.

– Всего восемь осталось... Быстро заканчиваются, а ведь здесь лучшие из лучших, – ворчит она.

– Что-то не так с этими монстрами, – косится на нее Дайана, которая так и держится поблизости. – Зря парни вышли к ним из-под защиты...

Некромантка наблюдает за тремя громадными тварями, отдаленно похожими на фаррехов, которые гигантскими скачками приближаются к боевикам.

– Они же нас спасают! – осеняет меня. – Купол слабенький. Не выдержит натиска, и тогда твари сожрут всех нас!

– Ох! Осталось семь... Нет, шесть! Плохая была идея! – продолжает подсчитывать потери среди боевиков Люсиль и принимается чертить схему с удвоенной скоростью. – Откуда эти монстры только берутся?! Почему такие сильные?

– Может, потому что они ненастоящие? – предполагаю я, пытаюсь убедить в этом и себя тоже, но с каждым покинувшим нас товарищем, мозг все меньше желает в этом убеждаться...

– Может быть... – жмет плечами, задумчивая некромантка, откровенно нездоровый вид которой до сих пор внушает опасения. – Эй, Люсиль, пока мы тут все не подохли, ответь на один вопрос, не то я умру еще раньше, от любопытства.

– Ну? – бурчит блондинка не слишком приветливо, и дорисовывает подчиняющий символ.

Стандартное заклятье подчинения звучит в унисон, и в каждом круге призыва возникает по огненному элементалю, которых мы, не раздумывая, пускаем на помощь нашим защитникам. Моя птичка, на зависть остальным, мгновенно вырастает в размерах, и без страха пикирует на голову подкрадывающемуся к Ксану сзади чудовищу. Остальные элементали помогают. Втроем наши огневики быстро расправляются с жертвой. Нежить подыхает, с душераздирающим визгом, а наши полыхающие питомцы берутся за следующую особь. Ксан благодарно кивает, а улыбчивый Луардэ салютует огромным огненным топором:

– Спасибо!

Дождавшись, когда Люсиль будет чуть меньше занята, Дайана интересуется снова:

– Берки, так на кой ты все-таки выпендрилась со своей одеждой? Знала ведь, куда идешь.

Люсиль молчит, сосредоточившись на управлении огневиком.

– Я поняла! Ты положила глаз на Ридриха? – не унимается некромантка. – Так что там у тебя было на трусах? Приворотные чары? Может, запрещенный флер?

– Ты и правда сдохнешь, если все не выведешь? – вздыхает Люсиль, бросая на Дайану тяжелые взгляды.

– Вроде того, – Дайана широко улыбается, и что-то отвязное мелькает в ее глазах.

– Понимаешь, Кранк, это все моя бабушка. Она бытовик высшей категории и просто помешана на чистоте. Стоит ей оказаться рядом с моим шкафом – и все. Ни одной вещи, о которой бы она не «позаботилась», не останется.

– Вон оно что!

– Ага. Зато вещи потом не рвутся и не пачкаются.

– Так это из-за чрезмерной стерильности тебя признали опасной, что ли? То есть не тебя, конечно, а твое бельешко?

Огненная птица – ведущий элементаль, я выбираю и указываю остальным цели. На этот раз атакуем здоровенный труп гигантского ящера. Выглядит он как скелет с огромной пастью, мощными задними конечностями и рудиментарными передними. Он только что едва не растоптал очередного драгоценного боевика.

Люсиль, занятая управлением огневином, сосредоточенно молчит. Контроль над этой стихией дается блондинке с трудом. Когда нам удастся обездвигить и поджечь эту тварь, она продолжает рассказывать:

– Больше чистоты бабулю волнует только моя безопасность.

– И как это работает? Твои трусики слетают сами и душат недоброжелателя?

– Ты и правда хочешь это знать, Кранк?

– Я же сказала, сдохну, если не узнаю.

– Хорошо. Это особенный состав. Небольшой направленный импульс, и начнется химическая реакция: выделится газ, способный усыпить потенциального врага. В случае опасности у меня появится шанс сбежать, ну или прибить, как ты сказала, недоброжелателя, пока тот будет в отключке.

– Выходит, здесь больше химии, чем магии? – встревает в разговор Дин, который все это время молча прислушивался к беседе.

– В точку! Потому-то я не сразу распознала подарок бабули, иначе ни за что не стала бы так рисковать.

– Зато безопасники все распознали и расценили как потенциальную угрозу императору, – смеется некромантка.

– Именно! А ты не так глупа, как выглядишь, Кранк, – поддевает ее Берки.

– Не повезло тебе, – ехидничает в ответ некромантка. – Неловко, наверное, щеголять перед такой толпой с голым задом под тоненьким плащом?

Люсиль не отвечает, лишь корчит недовольную гримасу.

– Спасибо, мне действительно полегчало, – некромантка отходит, отвесив нам шуточный поклон.

Из-за болтовни я едва не упускаю огневика. Благодаря нам все оставшиеся парни за барьером пока живы, но перемазались какой-то дрянью. Они устали и тяжело дышат. Их удары все реже и слабее – боевая магия требует больших объемов энергии. Особенно огненная.

Я тоже чувствую, как на глазах слабеет мой элементаль, и разве что беспокойство за товарищей заставляет меня стиснуть зубы и продолжать его подпитывать. А вот огнепсов и вовсе не видно, у Берки и Дина не хватило потенциала на их поддержание. Странная все же здесь магия! На первый взгляд, вроде бы все как обычно, но нет. Я точно знаю, что способна на большее, но сил почему-то не хватает! Все же иллюзия не так идеальна, как полагает Ридрих. Или нас нарочно ограничивают?

– Эй! Кранк, ты что это задумала, идиотка? – крик Люсиль заставляет меня вздрогнуть от неожиданности.

Проследив за ее взглядом, оборачиваюсь.

– Храни Вездесущий...

То, что вижу, окончательно подрывает мой боевой дух. Нам не пройти это испытание. Никогда в жизни...

Дайана стоит у самого барьера и смотрит, как к жалкой горстке наших защитников приближаются два настоящих чудовища. Все, что были до этого, ну просто сплошь пушистые котята и по размерам, и по оснащенности убийственными средствами.

Бурям злым ты даешь широчайший простор,

Тихо и чуть надтреснуто начинает петь некромантка.

Штормом рвешь ты морей темно-синий узор.

Ее голос крепнет и становится звонче, а я узнаю одну из песен группы «Экспериментальное кладбище».

Изверженья вулканов и трясенья земли —

О, великая Ярость – деянья твои!

С легким сопротивлением барьер поддается, и Дайана выходит за него. Подозрительные волны проходят по полотнищу защиты – это иссякает заряд в артефактах.

Твари так и продолжают испытывать нас на прочность, и парни снаружи ничего не замечают, занятые боем с очередным дохлым монстром. Император стоит спиной, наблюдая за проклятийниками, и тоже ничего не видит, а артефакторы сосредоточенно колдуют над своими устройствами. Развевая огненную птицу, от которой больше нет особого толка, тороплюсь следом, но останавливаюсь в нерешительности у границы барьера. Лишние помехи ему не нужны, и если я выйду, то возвращаться, скорее всего, будет уже некуда.

– Дайана! – кричу, но некромантка не оборачивается. Лишь ее истончившаяся до ненормальности рука вскидывается к темному небу.

– Помахала или послала? – шурясь, уточняет подошедший ближе Дин.

– Сама не поняла, – жму плечами.

Но мне кажется, какой бы это ни был жест – он прощальный. Дайана продолжает неторопливо шагать к несущимся навстречу гигантам. Она уже далеко, но до нас продолжает доноситься ее сильный и красивый голос. Песня звучит громче и громче с каждой строкой. Катится над холмами, улетая в темное ночное небо:

*Застылая, порою, глаза пеленой,
Красным туманом встаешь предо мной.
Силы даешь неподвластные мне
Жестокость – есть развлечение тебе!*

– Да куда же она?! – Берки делает несколько шагов следом и беспомощно оглядывается на нас. – Надо ее остановить!

В глазах блондинки блестят неподдельные слезы.

– Дайана, нет! Не надо! – это уже Гас, который только сейчас замечает, что происходит.

Парней перестают атаковать, и они инстинктивно подаются к идущей навстречу погибели некромантке. Но бессильно останавливаются, осознавая, что этот бой им не выиграть. Лишь Гас проходит еще несколько шагов.

Тяжело дышать. Действует на натянутые до предела нервы Люсиль – блондинка, не скрываясь, рыдает взахлеб на груди у крепко обнимающего ее Кастора Дина. В ее всхлипах и бормотании проскальзывает что-то и о Ридрихе и об испытаниях, но сквозь рыдания не разобрать.

Отвратительное чувство, когда нужно хоть что-то сделать, а ты совершенно не понимаешь, что именно...

Под последний куплет над некроманткой начинает клубиться что-то темное. Дайана вынимает ритуальный кинжал из маленьких ножен. Два точных движения, и она широко разводит руки. Во все стороны от нее расходится и начинает медленно вращаться так похожее на круг призыва кольцо тьмы. Всполохи багряных рун сами по себе складываются в древний текст. А вместо заклинания звучит все та же песня:

*Рушится мир, и взрывается мир —
Ярость взлетает как черный вампир!
Большие осколков и криков во тьме!
Ярость – я покоряюсь тебе!..*

Еще одно резкое движение рук, и кольцо тьмы опускается на землю. Та вздрагивает, и уже не ясно это от топота приближающихся исполинов или от темной, как глубины веков, магии, что творит некромантка.

Дайана обеими руками заносит короткий кривой кинжал над собственной грудью, и я закрываю глаза, не в силах на это смотреть.

– Она знает, что делает, – раздается рядом негромкий и немного грустный голос Гаса. – Слишком много некроэнергии для одной хрупкой девушки. Дайна все равно не выдержала бы, а так хоть погибнет не зря...

Нас оглушает душераздирающий рев, от которого стынет кровь в жилах. Земля трясется под ногами дерущихся гигантов, которых стравивла между собой Дайана ценой...Ценой чего? Жизни? Можно ли считать, что она действительно отдала ради этого жизнь? Я уже совсем не понимаю, где правда, а где иллюзия! Не могу толком отличить одно от другого. Это все слишком! До визга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.